

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

ОБЗОРЫ / OVERVIEWS

ТЕОРИЯ ГРАММАТИКИ В СВЕТЕ ФАКТОВ ЯЗЫКА КАЯДИЛТ*

© 2015 г. Петр Михайлович Аркадьев

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Россия; Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, Москва, 109240, Россия
peterarkadiev@yandex.ru

В работе рассматриваются основные особенности грамматики австралийского языка каядилт (Kayardild), характеризующегося типологически уникальной системой множественного маркирования грамматических значений. Особое внимание уделяется разбору монографии Э. Раунда «Морфология и синтаксис языка каядилт» (2013) как примера эмпирически-ориентированного формализованного описания морфосинтаксиса, в значительной степени переосмысляющего более раннюю трактовку фактов этого языка. Показывается значимость данных каядилта, а также методологии его описания для типологии и общей теории языка.

Ключевые слова: австралийские языки, каядилт, типология, теория языка, множественное маркирование, падеж, согласование, формальные методы в лингвистике

GRAMMATICAL THEORY
IN THE LIGHT OF THE KAYARDILD DATA

Peter M. Arkadiev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russia; Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, 109240, Russia
peterarkadiev@yandex.ru

This review article presents the basic characteristics of the grammar of Kayardild, an Australian language possessing a typologically unique system of multiple marking of morphosyntactic features. The paper focuses on the recent book by E. Round «Kayardild morphology and syntax» (2013), which is an example of empirically oriented formalized description of morphosyntax largely revising the previous analyses of this language. The significance of the data of Kayardild as well as of the methodology of its analysis for linguistic typology and theory is demonstrated.

* Рисунки 1, 2, 4, 5 воспроизводятся с разрешения © Oxford University Press из монографии: Round E. *Kayardild Morphology and Syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2013 (fig. 2.2, p. 34; fig. 4.2, p. 81; fig. 5.3, p. 114; fig. 6.2, p. 133), дальнейшее использование возможно только с разрешения Oxford University Press.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00580. Я благодарю Н. Эванса, Э. Раунда и В. А. Плуныяна за помощь на разных этапах работы.

Keywords: Australian aboriginal languages, Kayardild, typology, linguistic theory, multiple marking, case, concord, formal methods in linguistics

Введение

В последние полстолетия языки аборигенов Австралии, большая часть которых находится на грани (или уже за гранью) вымирания, не только привлекали значительный интерес исследователей, но и служили важными стимулами для развития лингвистической теории. Так, работы Р. Диксона о языке д и р б а л [Dixon 1972], несмотря на дискуссионность их выводов (см. критический разбор в статье [Heath 1979]), дали толчок современной типологии эргативности, а материал языка в а л ь б и р и (см. [Nash 1980; Hale 1981; 1983; Simpson 1983; Jelinek 1984] и множество последующих работ) лег в основу концепций неконфигурационности и местоименных аргументов (см. также [Heath 1986; Austin, Bresnan 1996]). Подобные примеры из самых разных областей лингвистики можно умножить.

Одним из австралийских языков, материал которого в значительной степени расширил представления лингвистов о пределах возможного в человеческих языках и сыграл важную роль в развитии теории, несомненно, является описанный выдающимся австралийским типологом Н. Эвансом [Evans 1985; 1995a] язык к а я д и л т (Kayardild¹), входящий, наряду с языками ладил (Lardil), югулда (Yukulta), нгубуринди (Nguburindi) и янгкал (Yangkaal), в небольшую тангкскую (Tangkic) семью, распространенную на материке и прилегающих островах на юге залива Карпентария в северо-восточной Австралии. Наиболее яркая и не имеющая прямых параллелей в других языках (по крайней мере, за пределами Австралии) черта грамматики каядилта — последовательная многоярусная система так называемого *Suffixaufnahme* [Plank (ed.) 1995; Evans 1995b], т. е. выражения на зависимом имени не только падежа, индуцированного его непосредственной синтаксической вершиной, но и падежа объемлющей составляющей.

В каядилте, в отличие от многих языков мира, где *Suffixaufnahme* ограничен именными группами (ИГ) с генитивными определениями, зависимые словоформы несут показатели, фактически отражающие всю «деривационную историю» предложения, в частности глагольные категории вида, времени, модальности и отрицания, а также независимый или подчиненный статус предикации, причем порядок этих показателей, как правило, иконически отражает уровни вложения синтаксических структур. Пример (1) наглядно иллюстрирует, как последовательное «наращение» синтаксической структуры сопровождается столь же последовательной аффиксацией падежных (по крайней мере, согласно грамматике Н. Эванса) показателей:

- (1) a. *dangka-karra mijil-da*
 человек-GEN сеть-NOM
 ‘сеть (этого) мужчины’ (сконструировано на основе [Evans 1995a: 115, 732])
- b. *dangka-karra-nguni mijil-nguni*
 человек-GEN-INSTR сеть-INSTR
 ‘сетью мужчины’ [Ibid.: 115]
- c. *maku yalawu-jarra yakuri-na dangka-karra-nguni-na mijil-nguni-na*
 женщина поймать-PRST рыба-ABL человек-GEN-INSTR-ABL сеть-INSTR-ABL
 ‘Женщина поймала рыбу сетью мужчины’ [Ibid.]

¹ Встречающаяся к русскоязычным работам (в том числе в перечне языков мира в учебнике [Бурлак, Старостин 2005: 364—366]) «буквальная» транслитерация английских названий австралийских языков (например, «каядилд»), записываемых в соответствии с рядом условных конвенций (так, сочетания г + t, d, n, l обозначают ретрофлексные согласные (МФА ʈ, ɖ, ɳ, ʎ), а t, d, n + h — дентальные смычные (МФА ʈ̪, ɖ̪, ɳ̪), в отличие от альвеолярных, записываемых с помощью простых t, d, n), лишь вводит в заблуждение. Пользуясь случаем, я благодарю Н. Эванса за консультацию о том, как следует корректно передавать на русском языке лингвоним Kayardild.

- (1) d. *maku-ntha yalawu-jarra-ntha yakuri-naa-ntha*
 женщина-OBL поймать-PST-OBL рыба-ABL-OBL
dangka-karra-nguni-naa-ntha mijil-nguni-naa-nth.
 человек-GEN-INSTR-ABL-OBL сеть-INSTR-ABL-OBL
 ‘Женщина, должно быть, поймала рыбу сетью мужчины’ [Ibid.].

Наиболее необычно выглядят примеры (1c) и (1d), в которых показатели, глоссированные как «аблатив» (-*na*) и «обликвус» (-*ntha*), присоединяются поверх суффиксов «классических» падежей и указывают не на функцию той или иной ИГ в составе предложения, как показатель инструменталиса (-*nguni*), а на категории клаузы — время и эпистемическую модальность. При этом если дистрибуция аблатива ограничена составляющими глагольной группы и не включает ни номинативный субъект, ни сказуемое, то показатель обликвуса маркирует вообще все без исключения словоформы предложения. Трактовка Н. Эвансом указанных показателей как падежных обусловлена тем, что эти морфемы или их позиционно обусловленные алломорфы могут выступать и в «нормальных» падежных функциях, ср. примеры (2) и (3):

- (2) *mutha-na dulk-ina jani-ja maku-wala niwan-ju.*
 многой-ABL место-ABL искать-АСТ женщина-много(NOM) 3SG-PROP
 ‘Много женщин (пришло) из многих мест искать его’ [Evans 1995a: 143].
- (3) *dathin-a dangka-a mulurr-a niwan-inja maku-nth.*
 этот-NOM человек-NOM ревнивый-NOM 3SG-OBL жена-OBL
 ‘Этот человек ревнует свою жену’ [Ibid.: 149].

Приведенный небольшой фрагмент грамматики каядилта поражает, с одной стороны, сложностью и избыточностью морфологического маркирования, а с другой — несомненной логичностью и прозрачностью связи между этим маркированием и последовательно иерархической синтаксической структурой. Если для многих языков Австралии с их развитыми падежными системами и практически ничем не ограниченной свободой порядка слов предлагался анализ в терминах «плоской» синтаксической структуры (см., например, [Hale 1981; 1983] о языке вальбири), то каядилт, напротив, демонстрирует, причем во многом гораздо нагляднее, чем привычные «конфигурационные» языки вроде английского, существование весьма жесткого многоуровневого синтаксического каркаса.

Фактически основная особенность морфосинтаксиса каядилта описывается двумя простыми правилами [Evans 1995a: 105—106]:

- (4) a. Морфосинтаксический признак, характеризующий определенную составляющую, морфологически выражается (при отсутствии конфликтующих факторов) на всех элементах этой составляющей;
- b. Если показатели X и Y выражают морфосинтаксические признаки, связанные с синтаксическими категориями X' и Y' соответственно, то X следует за Y в цепочке суффиксов в том случае, когда X' синтаксически доминирует над Y'.

Вообще говоря, такого рода правила в том или ином виде представлены во многих языках мира (в частности, во всех, где хотя бы какие-то составляющие ИГ согласуются с ее вершиной по падежу), и необычность каядилта состоит, во-первых, в последовательности проведения этого принципа через всю грамматическую систему и, во-вторых, в том, что в число релевантных морфосинтаксических признаков входят, например, глагольные категории, получающие тем самым «согласовательное» выражение на зависимых элементах предложения (о возможностях трактовки множественного маркирования в каядилте как согласования и связанных с этим проблемах см. работы [Evans 2003; Corbett 2006: 138—140; Kibort 2010]).

В связи с этим не вызывает удивления, что после выхода в свет подробной грамматики [Evans 1995a], содержащей, помимо детального синхронного анализа, также основанные на сопоставлении с родственными языками сравнительно-исторические гипотезы о генезисе морфосинтаксических особенностей каядилта, данные этого языка неоднократно обсуждались в типологических и теоретических работах самых разных направлений, см.,

в частности, [Evans 1995b; 2003; Andrews 1996; Nordlinger 1998; Börjars, Vincent 2000; Evans, Nordlinger 2004; Merchant 2006; Nordlinger, Sadler 2006; Kibort 2010; 2011]. Все указанные публикации опирались на материал, опубликованный Н. Эвансом, и в той или иной степени следовали предложенному в его грамматике анализу.

Значительным шагом вперед в документации и анализе языка каядилт стали основанные на новейших полевых данных работы Э. Раунда — его объемная диссертация [Round 2009] и написанная на ее основе компактная монография [Round 2013], являющаяся основным объектом обсуждения в настоящей работе. Поскольку один из важнейших результатов книги Э. Раунда — уточнение описания Н. Эванса и во многом коренной пересмотр его анализа, разговор о ней невозможен вести без предварительного изложения основных аспектов грамматики каядилта в трактовке Эванса. Толчком же к написанию настоящего обзора послужил не только личный интерес автора к австралийским языкам и языку каядилт в частности, но и убежденность в том, что данные каядилта и предлагаемый в книге Э. Раунда их анализ являются в высшей степени поучительными для всех, кто интересуется лингвистической типологией и общей теорией языка.

Дальнейшая структура обзора такова. В § 1 я изложу разработанную на материале австралийских языков теорию падежных функций, которая имеет первостепенное значение как для дальнейшего обсуждения, так и, по моему мнению, для типологических и теоретических подходов к падежу. В § 2 я остановлюсь на ряде основных особенностей каядилта согласно грамматике Н. Эванса, а § 3 будет целиком посвящен разбору монографии Э. Раунда. Статья завершается обсуждением ряда общетеоретических вопросов, которые ставят рассматриваемый материал и его анализ.

1. Типология падежных функций А. Денча и Н. Эванса и множественное падежное маркирование

Из всех крупных языковых ареалов Австралия, пожалуй, самый богатый падежами. Лишь в одной из нескольких десятков языковых семей континента эта категория вовсе отсутствует, а в большинстве австралийских языков, вне зависимости от того, насколько развито в них вершинное маркирование синтаксических отношений в глагольном комплексе, падежные граммы весьма многочисленны, см. [Blake 1977; Dixon 2004: Ch. 5; Nordlinger 2014]. Тем самым, несмотря на то, что традиционные концепции падежа основываются в первую очередь на, вообще говоря, весьма идиосинкратических системах индоевропейских языков, очевидно, что никакая современная типологически ориентированная теория падежа не может не опираться самым существенным образом на данные языков Австралии².

Одна из ярчайших особенностей австралийских падежных систем, ни в каком другом ареале, по-видимому, не представленная в таком объеме и с такой последовательностью, — множественное падежное маркирование, уже упоминавшееся выше под названием *Suffixaufnahme*. Сущность этого явления, как мы видели выше на примере каядилта, состоит в том, что онтологически различные (в частности, соответствующие разным уровням синтаксической структуры) функции падежей выражаются не взаимоисключающим либо кумулятивным образом, как в значительной части языков мира, но с помощью синтагматического сочетания различных падежных показателей. Именно множественному падежному маркированию посвящена ставшая классической статья [Dench, Evans 1988], в которой на материале австралийских языков была предложена оригинальная, хотя до сих пор и не получившая заслуженного распространения за пределами австралийской традиции типология падежных функций (см. также [Austin 1995; Dench 2006; 2009]).

А. Денч и Н. Эванс выделяют следующие типы падежных функций (предложенная ими таксономия приводится в порядке, соответствующем расширению синтаксической области,

² В этой связи представляется совершенно не случайным, что первый в лингвистике учебник, посвященный падежу [Blake 1994], был написан именно специалистом по австралийским языкам.

в рамках которой реализуются падежные функции): **применная** (adnominal), маркирующая ИГ как входящую в состав другой ИГ; **реляционная** (relational), выражающая семантико-синтаксическую роль ИГ в предложении; **референциальная** (referential), маркирующая ИГ как семантически относящуюся к другой ИГ, непосредственно с нею не связанной синтаксически (типичным контекстом для референциального падежа являются различные вторичные предикаты), ср. пример (5); **модальная** (modal), выражающая на зависимых грамматические признаки уровня клаузы, такие как вид, время, модальность и т. п., ср. пример (6); **ассоциирующая** (associating), которая маркирует ИГ-аргументы номинализованного или вообще нефинитного сказуемого, ср. пример (7); и, наконец, **подчинительная** (complementizing), маркирующая клаузу целиком как зависимую, ср. пример (8)³.

вальбири < пама-ньонга [Hale 1982: 268]: референциальный падеж

- (5) a. *ngarrka-ngku=ka yankirri luwa-rni ngapa-ngka-rlu.*
 человек-ERG=PRS эму стрелять-NPST вода-LOC-ERG
 'Человек стреляет в эму, <находясь> у воды'.
 b. *ngarrka-ngku=ka=rla=jinta yankirri-ki luwa-rni ngapa-ngka-ku.*
 человек-ERG=PRS=3SG.DAT=3SG.DAT эму-DAT стрелять-NPST вода-LOC-DAT
 'Человек стреляет в эму, <находящегося> у воды'.

каядилт: модальный падеж

- (6) a. *ngada warra-ja ngarn-kir.*
 я:НОМ идти-АСТ берег-ALL
 'Я иду на берег' [Evans 1995a: 107].
 b. *ngada warra-ja ngarn-kiring-ku.*
 я:НОМ идти-ПОТ берег-ALL-MPROP
 'Я пойду на берег' [Ibid.: 108].
 c. *ngada warra-jarra ngarn-kiring-kina.*
 я:НОМ идти-РСТ берег-ALL-MABL
 'Я пошел на берег' [Ibid.].
 d. *ngada warra-da ngarn-kiring-inj.*
 я:НОМ идти-ДЕС берег-ALL-MOBL
 'Я бы хотел пойти на берег' [Ibid.].

дивали < пама-ньонга [Austin 1998: 13]: ассоциирующий падеж

- (7) *kanya-ma-rni pulangkiti [ngapa-ru yurlu juma-rla]!*
 нести-IMP-PTCL одеяло укрыть-PURP.SS ЭТОТ:АALL ребенок-АALL
 'Принеси одеяло, чтобы укрыть этого ребенка!'

паньтима < пама-ньонга [Dench, Evans 1988: 35]: подчинительный падеж

- (8) *ngatha pilanyajayi-nha [nyinku mirta-yu paka-rnu-ku*
 я:НОМ испуганный-РСТ ты:СНАР нет-САСС прийти-REL-САСС
ngalimpa-tharntu-karta-ku yurlu-karta-ku].
 мы.с.тобой-GEN-ALL-САСС лагерь-ALL-САСС
 'Я боялся, что ты не придешь в наш лагерь'.

Несмотря на то что выделенные А. Денчем и Н. Эвансом на австралийском материале падежные функции, за исключением применной и реляционной, могут показаться читателю, привыкшему к языкам Евразии, «экзотическими», я полагаю, что рассматриваемая таксономия является универсальной и может быть использована при анализе самых разных языков, в том числе индоевропейских (см. об этом, например, [Arkadiev 2013; 2014; Аркадьев 2014]). Действительно, примером референциального падежа может служить согласование вторичных предикатов и плавающих определителей с контролером в примерах

³ Здесь и далее, в соответствии со сложившейся после работы [Dench, Evans 1988] традицией, в глоссах к сокращенным обозначениям падежей добавляются префиксы м «модальный», а «ассоциирующий» и с «подчинительный».

вроде (9), см. [Matushansky 2008; 2010; 2012]. В качестве проявлений модального падежа можно рассматривать объектный родительный падеж при отрицании, особенно в языках вроде польского или литовского, где, в отличие от русского, замена аккузатива на генитив обязательна, или распространенные во многих языках альтернативы падежного оформления актантов в зависимости от видо-временной формы сказуемого, как, например, в мегрельском языке (10). Как ассоциирующий можно рассматривать творительный агенса при номинализациях (11а) или датив субъекта инфинитива (11б) в русском языке. Наконец, представленные в ранних индоевропейских языках «абсолютные» причастные обороты вроде древнерусского примера «дательного самостоятельного» в (12), как кажется, являются не чем иным, как проявлением подчинительного падежа.

- русский: референциальный падеж
- (9) а. *Дети вернулись домой **веселые**.*
 б. *Я никогда не встречал **Машу** на улице **одну**.*
- мегрельский < картвельские [Harris 1991: 365—366]: модальный падеж
- (10) а. ***тита** arzen-s **схен-s** skua-s.*
 отец(НОМ) дать-3SG.SBJ.PRS лошадь-DAT ребенок-DAT
 ‘Отец дает лошадь сыну’.
 б. ***тита-k** **схен-i** ki-me-č-u skua-s.*
 отец-NAR лошадь-НОМ PVB-PVB-дать-3SG.SBJ.AOR ребенок-DAT
 ‘Отец дал лошадь сыну’.
- русский: ассоциирующий падеж
- (11) а. *исполнение арии **Шаляпиным***
 б. *Ты ведь привез слишком много новостей, [чтобы **нам** выслушивать их в спешке]... [НКРЯ].*
- древнерусский: подчинительный падеж
- (12) *и поиде на бра[та] на своего на Кондрата к городу ко Ъздову, **Кондратови** же не **бывишу** тогда в городѣ*
 [Волынская летопись 883: 10, цит. по НКРЯ].

Основное различие между падежными системами австралийских языков с множественным падежным маркированием и более привычными нам системами индоевропейских языков состоит в том, что в последних каждая словоформа, вообще способная выражать падеж, может принимать лишь единственный падежный показатель за раз, что приводит к весьма ограниченной возможности реализации различных падежных функций: фактически выражение падежной функции, связанной с более узкой синтаксической областью (например, реляционного падежа), делает невозможным выражение падежной функции, возникающей на более высоком уровне синтаксической деривации (например, подчинительного падежа). Таким образом, функционально гетерогенный и отражающий синтаксическую иерархию характер падежа, по крайней мере в некоторых австралийских языках проявляющийся в поверхностной морфологии, в большинстве языков мира является латентным и реализуется лишь в альтернативах падежного маркирования, почти всегда весьма ограниченных (ср. [Erschler 2009]).

Весьма наглядно это иллюстрирует сопоставление русского языка с языком ладил, приведенное в статье [Richards 2013]. Как уже было сказано, генитив отрицания в русском и ряде других языков можно трактовать как частный случай модального падежа; важное свойство этого явления состоит в том, что замена на генитив допускается лишь для структурных падежей — аккузатива и (ограниченно) номинатива, — но не для так называемых «ингерентных» косвенных падежей (о противопоставлении структурных и ингерентных падежей в порождающей грамматике существует значительная литература; применительно к русскому языку см., например, [Бэбби 1994]), ср. (13):

- русский (модифицированные примеры из [Richards 2013: 43])
- (13) а. *Анна пишет письма **ручкой**.*
 б. *Анна не пишет **писем** *ручкой* / *ручки.*

В языке ладил имеется модальный падеж, который можно назвать «футуральным», поскольку он используется при формах будущего времени сказуемого (собственно, показатели будущего времени и «футурального» падежа совпадают; этот факт будет иметь большое значение при дальнейшем обсуждении материала каядилта). При этом «футуральный» падеж по-разному взаимодействует с разными типами реляционных падежей ладила: при номинативном субъекте он не выражается, как и модальные падежи в каядилте, при прямом объекте футуральный суффикс вытесняет показатель структурного аккумулятива, а при ИГ, маркированных ингерентными падежами, например инструменталисом, футуральный суффикс присоединяется справа от показателя реляционного падежа, ср. пример (14):

ладил [Richards 2013: 48]

- (14) a. *ngada nguthungu warnawu dulnhuka-n beerr-u nyith-u.*
 я:НОМ медленно готовить вид.рыбы-АСС вид.дерева-INS костер-INS
 ‘Я медленно приготовил рыбу на костре’.
- b. *ngada nguthungu-thur warnawu-thur dulnhuka-r beerr-uru-r nyith-uru-r.*
 я:НОМ медленно-FUT готовить-FUT вид.рыбы-FUT вид.дерева-INS-FUT костер-INS-FUT
 ‘Я медленно приготовлю рыбу на костре’.

Тем самым в обоих языках мы видим, что модальный падеж вытесняет структурный, но не может вытеснить ингерентный; при этом если в русском языке это является непреодолимым препятствием для выражения модального падежа, то в ладиле «конфликт» разрешается аффиксацией показателя модального падежа к показателю реляционного. Логичный вывод, который можно сделать из этих фактов, состоит в том, что структурный падеж и модальный падеж — лишь разные имена одного и того же явления: маркирования, связанного с более высоким уровнем синтаксической деривации, чем ингерентный реляционный падеж (ср. отчасти сходные формулировки в совсем других терминах в диссертации [Preminger 2011: 151—154] или в работе [Pesetsky, Torrego 2004]).

2. Множественное маркирование в каядилте в описании Н. Эванса

В данном разделе я более подробно остановлюсь на основных особенностях множественного маркирования в каядилте, следуя описанию, представленному в грамматике [Evans 1995a]. В первую очередь речь пойдет о «модальном» падеже — явлении, в чистом виде не встречающемся за пределами тангкской семьи, — и его взаимодействии с другими падежными функциями.

Сначала следует по необходимости кратко остановиться на сугубо формальных аспектах. В каядилте, как и во многих других австралийских языках, широко представлены разного рода морфонологические процессы, результатом которых является богатая алломорфия показателей. Основные факторы, определяющие выбор того или иного алломорфа, — это, во-первых, конечный сегмент предшествующей части словоформы (который может принадлежать как лексической основе, так и падежному показателю «внутреннего уровня») и, во-вторых, позиция показателя внутри слова или в абсолютном его конце [Evans 1995a: 123—128]. Кроме того, конечное /a/ усекается перед паузой, в частности в конце предложения [Ibid.: 63], ср. формы обликвуса в примере (1d). Помимо алломорфии имеется ряд ограничений на комбинации аффиксов (несмотря на то, что «в общем любой аффикс может следовать за любым другим при условии их семантической и синтаксической совместности»⁴ [Ibid.: 129]): никакой аффикс не может следовать за показателем обликвуса; за показателем локатива может следовать только обликвус, причем последовательность -ЛОС-ОВЛ выражается нерегулярной морфемой-портманто *-kurrka* [Ibid.], ср. (15). Это касается соответствующих показателей в любой из доступных для них функций, поэтому в тех случаях, когда

⁴ «Generally any inflection may follow any other inflection, provided both are semantically and syntactically appropriate».

морфологические ограничения привели бы к невыразимости того или иного значения, происходит либо замена падежного аффикса на синонимичный (16), либо его устранение.

- (15) *kunawuna bilarri-nyarra nguku-ntha wuruman-kurrk.*
 ребенок<НОМ> разлить-APPR вода-МОВЛ котелок-ЛОС+МОВЛ
 ‘Как бы ребенок не разлил воду в котелке’ [Evans 1995a: 139].
- (16) a. *dangka-a yubuyubu-y /yubuyubu-nurru.*
 человек-НОМ дорога-ЛОС / дорога-ASSOC
 ‘Человек (находится) на дороге’ [Ibid.: 130].
- b. *ngada kurri-ju dangka-wu yubuyubu-nurru-wuru/*-ya-wuru.*
 я:НОМ видеть-ПОТ человек-MPROP дорога-ASSOC-MPROP/*-ЛОС-MPROP
 ‘Я увижу человека на дороге’ [Ibid.].

Теперь остановлюсь кратко на реляционных функциях некоторых падежей. Локатив используется в различных пространственных значениях: статического местоположения (16a) и конечной точки движения (17), а также имеет ряд метафорических употреблений [Ibid.: 138—142]. Аблатив выражает исходную точку движения, ср. пример (2) выше, и агенса при пассиве (18) [Ibid.: 143—145]. Проприетив служит в первую очередь для выражения отношений «актуального обладания», как в именных синтагмах (19a), так и в глагольных (19b); помимо этого, proprietiv маркирует объект при глаголах различных семантических классов, таких как глаголы передачи, речи (20a) и интенциональные глаголы (20b) [Ibid.: 145—148]. Косвенный падеж (обликвус) используется для выражения целевых адъюнктов (21), объектов именных предикатов, как в примере (3) выше, однако в основном выступает в нереляционных функциях [Ibid.: 148—149]. Аллатив, помимо основного значения конечной точки движения (22a), используется в значении пролатива (‘через’) (22b) [Ibid.: 150].

- (17) *dulk-iya barji-ja wangalk.*
 земля-ЛОС упасть-АСТ бумеранг:НОМ
 ‘Бумеранг упал на землю’ [Evans 1995a: 138].
- (18) *namu wungi-ja thungal-d, balarr-ina dangka-na bala-a-nyarr!*
 NEG красть-ИМП вещь-НОМ белый-ABL человек-ABL стрелять-MID-APPR
 ‘Не кради, а то белый человек тебя застрелит!’ [Ibid.: 144].
- (19) a. *niya karrngi-ja dun-kuru-ya maku-y.*
 3SG.НОМ держать-АСТ муж-PROP-ЛОС женщина-ЛОС
 ‘Он живет с замужней женщиной’ [Ibid.: 146].
- b. *dathin-a barrki-ja wandawanda-wuru...*
 этот-НОМ рубить-ИМП каменный.топор-PROP
 ‘Разруби его каменным топором...’ [Ibid.].
- (20) a. *waa-ja wirdi-ja ngada bijarra-wuru.*
 петь-АСТ быть-АСТ я:НОМ дюгонь-PROP
 ‘Я пою о дюгоне’ [Ibid.: 148].
- b. *barruntha-ya jani-ja thawal-u.*
 вчера-ЛОС искать-АСТ ямс-PROP
 ‘Вчера мы искали ямс’ [Ibid.: 328].
- (21) *nyingka wanji-ja kuru-nth!*
 ты:НОМ лезть-ИМП яйцо-ОВЛ
 ‘Ты лезь за яйцами!’ [Ibid.: 149].
- (22) a. *kurrka-tha nga-ku-l-da natha-r nga-ku-lu-wan-jir.*
 взять-ИМП 1-INC-PL-НОМ лагерь-ALL 1-INC-PL-POSS-ALL
 ‘Давай возьмем его в наш лагерь’ [Ibid.: 150].
- b. *kamarr-a ngudi-ja katharr-ir jirrka-an-kir.*
 камень-НОМ бросить-ИМП река-ALL север-ИЗ-ALL
 ‘Брось камень с севера через реку’ [Ibid.].

Имеется также несколько других падежей, примеры употребления которых я не буду приводить по соображениям экономии места, см. [Evans 1995a: 150—162]. Наконец, номинатив (имеющий, как правило, ненулевое выражение) выступает как «падеж по умолчанию» в тех случаях, когда именная словоформа не получает более никакого падежного показателя; это происходит в позиции подлежащего независимого предложения, топика, в некоторых случаях прямого объекта, в частности при императиве (примеры см. выше); модальный, ассоциирующий и подчиняющий падежи неизменно вытесняют суффикс номинатива (ср. описанную выше сходную ситуацию с аккумулятивом в ладиле).

Помимо «обычных» реляционных падежей в каядилте имеется также целый ряд показателей, функционирующих в качестве падежных, однако проявляющих весьма нетривиальные морфосинтаксические свойства. Н. Эванс называет их «глагольными падежами» (*verbal case*; [Evans 1995a: 163—183; Evans, Nordlinger 2004]; при их глоссировании используется префикс *v*). Отличительное свойство этих падежей состоит в том, что содержащие их словоформы морфологически являются глаголами и принимают показатели времени, наклонения и отрицания, «согласуясь» по этим категориям с основным сказуемым, ср. примеры (23a—c):

- (23) a. *ngada warra-jarra dathin-kiiwa-tharra ngilirr-iiwa-tharr.*
 я:НОМ идти-РСТ TOT-VALL-PST пещера-VALL-PST
 ‘Я пошел в ту пещеру’ [Evans 1995a: 163].
- b. *ngada warra-ju dathin-kiiwa-thu ngilirr-iiwa-thu.*
 я:НОМ идти-РСТ TOT-VALL-POT пещера-VALL-POT
 ‘Я пойду в ту пещеру’ [Ibid.].
- c. *ngada warra-nangku dathin-kiiwa-nangku ngilirr-iiwa-nangku.*
 я:НОМ идти-NEG.POT TOT-VALL-NEG.POT пещера-VALL-NEG.POT
 ‘Я не пойду в ту пещеру’ [Ibid.].

Как легко видеть, согласование «глагольного» падежа со сказуемым фактически следует той же модели, что выражение глагольных категорий на именах при помощи модального падежа; к этому параллелизму мы вернемся в следующем разделе при обсуждении анализа Э. Раунда.

В каядилте имеется семь «глагольных» падежей, значения которых дополняют или в ряде случаев пересекаются с функциями «обычных» падежей. Их показатели восходят к глагольным основам, таким как ‘класть’ (датель), ‘снимать’ (аблатив), ‘искать’ (целевой) и т. п. [Ibid.: 165]. Ниже приводятся некоторые примеры употребления «глагольных падежей»: глагольного датива (24), аблатива (25) и целевого падежа (26):

- (24) *wuu-ja ngijin-maru-tha wadu!*
 дать-IMP я-VDAT-IMP дым:НОМ
 ‘Дай мне покурить!’ [Evans 1995a: 169].
- (25) *warrngal-da mibul-ula-tha ngijin-ji rila-th.*
 ветер-НОМ сон-VABL-АКТ 1SG-MLOC будить-АКТ
 ‘Ветер пробудил меня ото сна’ [Ibid.: 172].
- (26) *nija warra-ja rar-ung-ka mala-janii-j.*
 3SG.НОМ идти-АКТ юг-ALL-НОМ пиво-VPURP-АКТ
 ‘Он отправился на юг за пивом’ [Ibid.: 175].

«Глагольные» падежи могут сочетаться с обычными падежными показателями, причем как следуя за ними, ср. пример (27), где «глагольный аллатив» присоединяется к приименному аблативу, так и предшествуя им. В последнем случае между показателем «глагольного» падежа и следующим уровнем маркирования обязательно выступает суффикс номинализации, как у собственно глаголов, ср. пример (28), где к «глагольному» аллативу в зависимой клаузе присоединяется индуцированный матричным предикатом модальный локатив.

- (27) *jatha-naba-yiwa-tha dangka-naba-yiwa-tha mala-yiwa-tha warra-j.*
 другой-ABL-VALL-АКТ человек-ABS-VALL-АКТ море-VALL-АКТ идти-АКТ
 ‘(Дюгонь) ушел на морской участок другого человека’ [Evans, Nordlinger 2004: 4].
- (28) *ngada barruntha-ya kurri-ja niwan-ji balangkali-iwa-n-ki ba-yii-n-ki.*
 я:НОМ вчера-MLOC видеть-АКТ 3SG-MLOC змея-VALL-NML-MLOC кусать-MID-NML-MLOC
 ‘Я вчера видел, как его укусила змея’ [Ibid.: 3].

Остановимся теперь более подробно на нереляционных функциях падежей. Наиболее необычной из них даже в австралийском контексте является модальная. В качестве модальных могут использоваться пять падежей: локатив, проприетив, аблатив, обликвус и аллатив, распределение которых относительно глагольных категорий показано в таблице 1 [Evans 1995a: 402]⁵.

Таблица 1

Глагольные категории и модальные падежи в каядилте

Глагольная граммема	Утвердительная форма	Отрицательная форма	Модальный падеж	Суффикс
imperative	-TH.a	-na	(nominative)	{Ca}
actual	-TH.a	-TH.arri	locative	{kiya}
immediate	-TH.i	—		
potential	-TH.u(ru)	-nang.ku(ru)	propriative	{ku(ru)}
past	-TH.arra	—	ablative	{kina(ba)}
almost	—	-nang.arra		
precondition	-TH.aarba	—		
desiderative	-da	—	oblique	{inja}
hortative	-TH.inja	-nang.inja		
apprehensive	-NHarra	—		
directed	-THiri(ng)	—	allative	{kiri(ng)}

Из приведенной таблицы видно, что показатели модальных падежей формально сходны с одним из индуцирующих их глагольных показателей: имедиатив с локативом, потенциалис с проприетивом, гортатив с обликвусом, директив с аллативом, а императив с номинативом. Это сходство не является поверхностным, но проявляется в том числе в тождестве правил выбора алломорфов соответствующих показателей, см. [Evans 1995a: 399—401], причем настолько, что, например, сочетание глагольного показателя имедиатива с подчинительным обликвусом дает тот же морф-портманто, что и сочетание локатив + обликвус, ср. пример (29).

- (29) *ngada kurri-j, niwaa natha-wurrka dana-thurrk.*
 я:НОМ видеть-АКТ 3SG.SBJ:COBL лагерь-LOC:COBL уйти-IMMED:COBL
 ‘Я видел, как он покидал лагерь’ [Evans 1995a: 495].

Объяснение этого нетривиального совпадения морфологических показателей глаголов и их зависимых, подкрепляемое сравнительно-историческим анализом, состоит в том, что суффиксы глагольных категорий и модальных падежей в каядилте возникли в результате систематического *р а с п о д ч и н е н и я* (insubordination, см. [Evans 2007]) некогда зависимых клауз и сопутствующего переосмысления маркировавших их показателей подчинительных

⁵ Символами TH, NH, C в таблице обозначены так называемые «тематические элементы» (thematics), содержащиеся в значительной части глагольных показателей каядилта и варьирующие в зависимости от определяемого фонологически типа спряжения [Evans 1995a: 253—254]. Пересмотр статуса этих единиц является одним из важных новшеств работы Э. Паунда, см. § 3.

падежей, см. [Evans 1995a: 423—450]. В следующем разделе мы увидим, что Э. Раунд трактует показатели глагольных категорий и модальных падежей как реализацию одной и той же грамматической системы.

Тем не менее модальный падеж не является с синхронной точки зрения чисто избыточным согласовательным механизмом, но обладает определенной степенью функциональной автономности. Во-первых, модальный падеж употребляется в предложениях без выраженного сказуемого, где он служит фактически единственным средством маркирования предикативных категорий, ср. (30a—b). Во-вторых, противопоставление модальных падежей сохраняется в тех случаях, когда глагольная форма нейтрализует значения времени, как в форме отрицательного потенциалиса в примере (31a—b).

- (30) a. *ngada dathin-kiring-ku kamarr-iring-ku.*
 я:НОМ ЭТОТ-ALL-MPROP камень-ALL-MPROP
 ‘Я <пойду> к этому камню’ [Evans 1995a: 403].
- b. *jina-na darr-ina nying-ka jirrka-an-kina?*
 где-МАВЛ время-МАВЛ ты-НОМ север-из-МАВЛ
 ‘Когда ты <вернулся> с севера?’ [Ibid.].
- (31) a. *ngada kurri-nangku mala-wu (balmbi-wu).*
 я:НОМ видеть-NEG.POT море-MPROP завтра-MPROP
 ‘Я не увижу море (завтра)’ [Ibid.: 404].
- b. *ngada kurri-nangku mala-y (barruntha-y).*
 я:НОМ видеть-NEG.POT море-MLOC вчера-MLOC
 ‘Я не мог увидеть море (вчера)’ [Ibid.].

Областью применения модального падежа в общем случае является глагольная группа, включающая сказуемое и все его зависимые (как актанты, так и обстоятельства), за исключением подлежащего и топики. Тем не менее некоторые типы составляющих глагольной группы не принимают модального падежа (см. [Evans 1995a: 412—423]): это объекты интенциональных глаголов (32) и целый ряд ИГ, семантически связанных с субъектом, как, например, обозначения инструмента (33), объекты глаголов передачи (34) и некоторые другие:

- (32) *niya jani-jarra kunawuna-wuru / *kunawuna-wuru-na.*
 3SG.НОМ искать-PST ребенок-PROP / *ребенок-PROP-МАВЛ
 ‘Он искал ребенка’ [Ibid.: 412].
- (33) *bi-rr-a yalawu-jarr yakuri-na mijil-nurru.*
 3PL-DU-НОМ поймать-PST рыба-МАВЛ сеть-ASSOC
 ‘Они наловили рыбы сетью’ [Ibid.: 417].
- (34) *niya marndi-jarra kanthathu-na wirrin-kuru.*
 3SG.НОМ лишить-PST отец-МАВЛ деньги-PROP
 ‘Он отобрал у отца деньги’ [Ibid.: 420].

Рассмотрим теперь падежное маркирование, связанное с номинализацией и подчинением клауз. В качестве ассоциирующего падежа в номинализованных клаузах [Evans 1995a: Ch. 11] используется обликвус, маркирующий все составляющие такой клаузы, за исключением подлежащего, и присоединяющийся поверх выраженного реляционного падежа. Номинализации с суффиксом *-n* используются как в качестве вершины нефинитной клаузы (35), так и независимо при обозначении ддящихся ситуаций (36):

- (35) *kurri-ja dathin-a maku-walad-a [dalwani-n-da thawal-inj]!*
 смотреть-IMP тот-НОМ женщина-много-НОМ выкапывать-NML-НОМ ямс-АОВЛ
 ‘Посмотри на тех женщин, выкапывающих ямс!’ [Evans 1995a: 472].
- (36) *bi-l-da jani-n-da bartha-wuru-ntha kunawuna-wuru-nth.*
 3-PL-НОМ искать-NML-НОМ след-PROP-АОВЛ ребенок-PROP-АОВЛ
 ‘Они ищут следы ребенка’ [Ibid.: 112].

Важно отметить, что модальный и ассоциирующий падежи подчиняются разным ограничениям; в частности, ассоциирующий падеж присоединяется к тем неподлежащим ИГ, которые обычно не принимают показателей модального падежа, ср. оформление слова ‘деньги’ в примере (34) и при номинализации в примере (37):

- (37) *niya marndi-n-da kanthathu-ntha wirrin-kuru-nth.*
 3SG.NOM лишить-NML-NOM отец-AOBL деньги-PROP-AOBL
 ‘Он отбирает у отца деньги’ [Ibid.: 420].

В тех случаях, когда матричный предикат требует выраженного модального падежа, последний маркирует все словоформы номинализации, однако парадоксальным образом выражается не после суффиксов ассоциирующего падежа, что ожидалось бы по общему правилу о соответствии порядка аффиксов их сфере действия, а перед ними, ср. примеры (38a—b):

- (38) a. *ngada balmbi-wu kurri-ju [bilwan-ju barrki-n-ku kurda-wuu-nth].*
 я:НОМ завтра-MPROП смотреть-POТ они-MPROП рубить-NML-MPROП куламон-MPROП-AOBL
 ‘Завтра я буду смотреть, как они делают куламон (деревянное блюдо)’ [Evans 1995a: 112].
 b. *ngada kurri-jarra niwan-jina [kurdama-n-kina nguku-naa-ntha wuruman-urru-naa-nth].*
 я:НОМ видеть-PST он-MABL пить-NML-MABL вода-MABL-AOBL котелок-ASSOC-MABL-AOBL
 ‘Я видел, как он пил воду из котелка’ [Ibid.: 112—113].

Такой «антииконический» порядок суффиксов, синхронно связанный с уже упоминавшимся выше запретом на присоединение показателей к обликвусу, имеет диахроническое объяснение, см. [Evans 1995b].

Подчинительный падеж появляется на финитных зависимых предикациях [Evans 1995a: Ch. 12], которые могут выступать в качестве сентенциальных актантов, сирконстантов и определений. При этом подчинительный падеж не используется в тех случаях, когда субъекты главного и зависимого предложений совпадают, ср. следующие примеры:

- (39) *jina-a dathin-a dangka-a_i, [∅_i dan-kina yii-jarrma-tharra wangal-kina]?*
 где-НОМ тот-НОМ человек-НОМ ∅_i здесь-MABL класть-CAUS-PST бумеранг-MABL
 ‘Где человек, который оставил здесь бумеранг?’ [Evans 1995a: 489].

- (40) *dan-da banga-a [kakuju-ntha raa-jarra-ntha walbu-nguni-nj].*
 этот-НОМ черепаха-НОМ дядя-COVL пронзить-PST-COVL плот-INSTR-COVL
 ‘Это черепаха, которую дядя убил с плота’ [Ibid.: 489—490].

Условием употребления подчинительного падежа, помимо несовпадения субъектов матричного и зависимого предикатов, является синтаксический статус конструкции: сентенциальные актанты получают подчинительный падеж даже при совпадении их субъекта с таковым главной клаузы [Ibid.: 490—491], ср. пример (41):

- (41) *ngada_i murnmurdawa-th, [(ngijuwa)_i kada-ntha thaa-thuu-nth].*
 я:НОМ радоваться-АСТ я:SBV:COVL опять-COVL вернуться-POТ-COVL
 ‘Я рад, что я вернусь сюда опять’ [Ibid.: 490—491].

В качестве подчинительных в каядилте используются обликвус и локатив, выбор между которыми сложным образом обусловлен лицом субъекта зависимой клаузы и прагматическими факторами, см. [Evans 1995a: 492—495]; ср. таблицу 2 и примеры (42a—c).

Таблица 2

Лицо зависимого субъекта и выбор подчинительного падежа

Лицо	Подчинительный падеж
1, 3	OBL
1 + 2 (инклюзив)	LOC
2	LOC / OBL

- (42) a. *jina-a bijarrb, nga-ku-rr-a kurulu-tharra-y?*
 где-НОМ дюгонь:НОМ 1-INC-DU-НОМ убить-PST-CLOC
 ‘Где дюгонь, которого мы с тобой убили?’ [Evans 1995a: 492]
- b. *jina-a bijarrb, nyingka kurulu-tharra-y?*
 где-НОМ дюгонь:НОМ 2SG:НОМ убить-PST-CLOC
- c. *jina-a bijarrb, ngumbaa kurulu-tharra-nth?*
 где-НОМ дюгонь:НОМ 2SG:COBL убить-PST-COBL
 ‘Где дюгонь, которого ты убил?’ (в первом случае говорящий ассоциирует себя со слушающим, во втором — нет) [Ibid.: 493].

Как видно из приведенных выше примеров, в отличие от модального и ассоциирующего падежей, не присоединяющихся к подлежащему, подчинительный падеж маркирует все словоформы зависимой клаузы, в том числе подлежащее; исключением является морфологический запрет на присоединение подчинительного локатива к местоимениям в номинативе, ср. (42a—b), частицам и союзам, словоформам, уже содержащим показатель обликвуса, а также формам дезидератива; не присоединяется подчинительный падеж, как и модальный, к топикализованным составляющим.

Выступать в качестве подчиненных и маркироваться подчинительным падежом могут финитные клаузы с любыми глагольными формами, за исключением императива и «реалиса» (actual), равно как и номинализации, которые, как было сказано выше, способны возглавлять предложения. Некоторые подчиненные клаузы демонстрируют особые свойства [Evans 1995a: 505—511]; так, юссивные предикации при глаголах речи принимают подчинительный падеж факультативно, а предикации с суффиксом *-THarra*, выражающие таксис предшествования, вообще не сочетаются с ним.

Клаузы, маркированные подчинительным падежом, могут «расподчиняться», т. е. использоваться без выраженного матричного предиката в разного рода косвенных речевых актах или при выражении модальности, ср. примеры (1d) и (43), непосредственного восприятия, пример (44), а также в дискурсе при несовпадении топика с субъектом, пример (45); подробнее см. [Evans 1995a: 522—542].

- (43) *niwa dana-nangkuru-ntha ngijin-juu-ntha wumburung-kuu-nth.*
 3SG:COBL оставить-NEG.POT-COBL мой-MPROB-COBL копьё-MPROB-COBL
 ‘Лучше ему не терять мое копьё’ [Evans 1995a: 523].
- (44) *kajakaja-ntha dali-n-marri-nj.*
 папаша-COBL прийти-NML-PRIV-COBL
 ‘(Я вижу), папаша еще не вернулся’ [Ibid.: 525].
- (45) *mutha-wuu-ntha darr-u-ntha diya-juu-ntha ngaarrk_{TOP}.*
 много-MPROB-COBL время-MPROB-COBL есть-MPROB-COBL орех.пандануса:НОМ
 ‘Их долго можно есть, орехи пандануса’ [Ibid.: 534].

Особый тип зависимых клауз, промежуточный между финитными и нефинитными предикациями, — директивные конструкции, обозначающие цель движения [Evans 1995a: 486—487]. Подобно финитным клаузам, они приписывают собственный модальный падеж — аллатив — и одновременно, подобно номинализации, маркируются модальным падежом матричной предикации; тем самым составляющие директивных клауз несут показатели двух модальных падежей, ср. пример (46):

- (46) *balmb-u ngada warra-ju [bijarrba-ring-ku raa-jiring-ku].*
 завтра-MPROB Я:НОМ идти-POT дюгонь-MALL-MPROB пронзить-DIREC-MPROB
 ‘Завтра я пойду бить дюгоня’ [Evans 1995a: 487].

Рассмотрев, по необходимости кратко и фрагментарно, основы морфосинтаксиса кая-дилта в описании Н. Эванса, я перехожу к обсуждению монографии Э. Раунда [Round 2013], где эмпирический материал Н. Эванса уточняется и дополняется, а многие положения его описания пересматриваются.

3. Анализ грамматики каядилта в книге Э. Раунда

Монография Э. Раунда не является описательной грамматикой в строгом смысле этого слова. По формулировке самого автора, «основная задача книги — формализация словоизменительной системы каядилта и тех фрагментов грамматики, с которыми она взаимосвязана»⁶ [Round 2013: xii]. Основной тезис книги, подтверждаемый богатым эмпирическим материалом и его тонким и эксплицитным анализом, состоит в том, что грамматика каядилта содержит «сложную и высокоразвитую синтаксическую структуру, по большей части скрытую поверхностным порядком слов, однако необходимую для описания фактов словоизменения» [Ibid.]⁷. Описанный выше анализ Н. Эванса также апеллирует к синтаксической иерархии, однако в модели Э. Раунда эта структура устроена гораздо сложнее, а ее роль в объяснении морфологического маркирования существенно больше.

Важнейшая особенность работы Раунда состоит в том, что формальный анализ в ней основан на полном массиве документированных данных языка (существенно расширенном в ходе полевой работы автора), в первую очередь представленном спонтанными текстами, а не на специально отобранном корпусе элицитированных примеров. Используемый автором формальный аппарат и метаязык в значительной степени опираются не на хомскианский генеративизм с его стремлением редуцировать все грамматические факты к операциям над универсальной для всех языков и потому крайне абстрактной синтаксической структурой, а на более гибкие модели. Одной из таких моделей является лексико-функциональная грамматика (LFG, [Dalrymple 2001; Bresnan 2001]; на русском языке см. [Казенин 2002; Беляев 2014а: 282—299]), синтаксический формализм которой позволяет построить репрезентацию, отвечающую в большей степени конкретноречевым фактам, нежели априорным постулатам (ср. применение этой теории к базовому синтаксису «неконфигурационных» австралийских языков в статье [Austin, Bresnan 1996]); другой — «реализационные» подходы к морфологии [Anderson 1992; Stump 2001], не сводящие всю сложность морфологического устройства языков мира к показавшему свою ограниченность и неадекватность понятию морфемы как минимальной двусторонней единицы (см. критику «морфемцентрического» подхода еще в классической монографии [Matthews 1972])⁸. При этом изложение в книге не следует строго никакой из существующих формальных моделей, а все содержательные и технические понятия, в ней используемые, вводятся и эксплицируются по мере того, как демонстрируется их необходимость для описания фактов.

Книга состоит из 11 глав и двух приложений, которые я буду рассматривать по порядку, уделяя основное внимание наиболее важным, с моей точки зрения, элементам анализа множественного маркирования и их сопоставлению с описанием Н. Эванса.

Первая глава («Introduction», с. 1—11) является кратким и одновременно насыщенным информацией введением к книге. Помимо описания социолингвистического состояния языка и источников данных, в этой главе в сжатой форме изложены основные новации описания каядилта и принятая в работе модель грамматики, на которых я остановлюсь подробнее. Э. Раунд полностью перестраивает всю разработанную Н. Эвансом модель множественного маркирования: вместо модальной, ассоциирующей и подчинительной разновидностей падежей вводится выражение на зависимых словоформах таких морфосинтаксических категорий, как ТАМ (вид-время-модальность), отрицание и подчинение; благодаря переосмыслению статуса «тематических элементов» устраняется меняющийся

⁶ «The primary concern of this book is the formalization of the inflectional system of Kayardild and those parts of the grammar with which it interfaces».

⁷ «<...> an intricate and highly articulated syntactic structure which for the most part is not evident in surface word order, yet is indispensable if one wishes to account for the facts of inflection».

⁸ Ср. недавний пример применения лексико-функциональной грамматики и реализационной морфологии к описанию падежного морфосинтаксиса в осетинском языке в статье [Беляев 2014б].

часть речи словоформы «глагольный» падеж. Что же касается формального сходства или даже тождества показателей, выражающих глагольные категории и падежи, послужившего основной мотивацией для постулирования Н. Эвансом механизма множественного падежного маркирования, то проходящая через всю систему языка полифункциональность морфологических показателей описывается с помощью понятия *морфомы* — единицы морфологического уровня, служащей для установления связи между гетерогенным множеством морфосинтаксических функций и единым фонологическим представлением⁹.

Архитектура грамматики, необходимая, согласно Раунду, для адекватного описания фактов каядилта, содержит шесть уровней, из которых три являются фонологическими (см. [Round 2013: 5—9]):

- (i) семантико-синтаксический: структура составляющих, а также семантические и дискурсивные отношения между синтаксическими единицами;
- (ii) морфосинтаксический: каждой синтаксической словоформе соответствует частично упорядоченный набор значений одного из семи морфосинтаксических признаков (категорий), значения которых образуют конечные множества дискретных единиц;
- (iii) морфомный: каждой синтаксической словоформе соответствует упорядоченный набор категорий из конечного множества;
- (iv)—(vi) глубинное и два поверхностных фонологических представления; глубинное представление является цепочкой множеств алломорфов (фонологических цепочек), а поверхностные представления — цепочками фонем.

Морфологическая структура словоформы в каядилте определяется ее местом в синтаксической структуре, семантикой и дискурсивной функцией, но при этом далеко не все противопоставления, релевантные для синтаксиса и семантики, находят эксплицитное выражение в морфологии. Морфосинтаксическое представление и конституирующие его морфосинтаксические признаки (об этом понятии, являющемся уточнением традиционного термина «грамматическая категория», см. [Corbett 2012]) отражают лишь те оппозиции, которые релевантны для морфологии, но верно и обратное: категории, различаемые морфосинтаксическим представлением, противопоставляются и в синтаксисе. Эти логические постулаты с неизбежностью приводят к выводу о наличии в каядилте сложно организованной иерархической синтаксической структуры (существенно более сложной, чем предполагается в грамматике Н. Эванса), предопределяющей нетривиальное распределение морфосинтаксических признаков словоформ.

Морфосинтаксическое представление имеет формат пар вида *признак:значение*, например, *case:instrumental*, причем в некоторых случаях важным оказывается порядок таких пар. Морфосинтаксические значения реализуются не непосредственно фонологическими цепочками (морфами), а морфемами — абстрактными единицами, соответствующими каждая, с одной стороны, определенному набору морфосинтаксических значений (как правило, относящихся к разным морфосинтаксическим признакам) и, с другой — множеству конкретных алломорфов. При глоссировании морфом используются ярлыки морфосинтаксических значений с префиксом *μ*; так, «морфомный обликвус» *μovl* устанавливает соответствие между рядом независимо мотивированных морфосинтаксических значений и фонологической цепочкой /iɲɲa/, см. рис. 1 [Round 2013: 34].

⁹ Понятие «морфема» (*morpheme*) было введено М. Ароновым в книге [Aronoff 1994] для описания таких явлений, как не мотивированные фонологией или семантикой словоизменительные типы лексем или не соответствующие естественным классам грамматических значений распределения показателей или основ в морфологических парадигмах. Дальнейшее развитие это понятие получило преимущественно в исследованиях по романским языкам, в морфологии которых морфомные единицы играют важнейшую роль, см. [Maiden 2005; 2009; Cruschina et al. (eds) 2013], однако, несомненно, оно имеет универсальную применимость. Примером морфемы в том смысле, в каком это понятие используется в книге Раунда, может служить русский суффикс {-*к-}, демонстрирующий идентичные морфонологические особенности в семантически никак не связанных употреблениях (ср. *нога* — *ножка*, *ножеск*; *застегнуть* — *застёжка*, *застёжеск*).

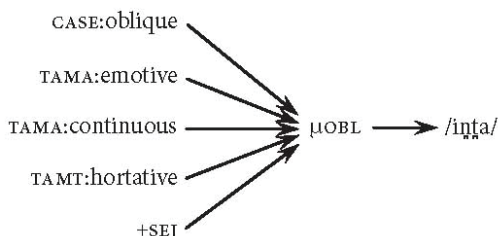

Рис. 1. Морфемная реализация морфосинтаксических признаков
© Oxford University Press

Согласно Раунду [Ibid.: 7—8], попытки обойтись без промежуточного морфемного представления в описании каядилта приводят к потере значительного числа эмпирических обобщений и существенно сокращают множество поддающихся связному описанию фактов. Здесь стоит отметить, что Н. Эванс, используя в своей грамматике понятие «падеж» как общий термин для множества в принципе независимых разновидностей морфосинтаксического кодирования, соответствующих единой системе морфологических форм, фактически во многом следует той же логике.

Вторая («Morphological structures», с. 12—42) и третья («Specific stems and affixes», с. 43—64) главы книги посвящены, соответственно, общей характеристике морфологической структуры словоформ и ряду частных аспектов морфологии. Важное новшество в сравнении с анализом Эванса, предлагаемое Раундом, состоит в отнесении «тематических элементов» (thematics) в состав глагольных основ. Тем самым глаголы морфологически определяются как лексические единицы, основы которых обязательно заканчиваются одним из тематических элементов /ŋ/ или /c/, а глагольные суффиксы в общем случае имеют лишь фонологически распределенные алломорфы, присоединение которых к тематическому элементу иногда вызывает упрощение сочетаний согласных по общим закономерностям языка [Round 2013: 17—18]. Напротив, в описании Эванса [Evans 1995a: 253—256] тематический элемент относится к суффиксу, что приводит, во-первых, к необходимости постулировать два в ряде случаев непредсказуемым образом распределенных спряжения и, во-вторых, затемняет формальную связь многих глагольных суффиксов с падежными показателями. Раунд приводит подробные морфонологические аргументы в пользу своего анализа [Round 2013: 18—21], показывая, что модель с глагольными основами на гласный не может описать целый ряд фактов. Распределение тематических элементов играет первостепенную роль в функционировании морфосинтаксиса каядилта, см. ниже.

Еще один новый аспект описания Раунда связан с показателями, которые Эванс трактует как суффиксы номинатива. Выше уже отмечалось, что номинатив в каядилте является падежом «по умолчанию», появляющимся в тех случаях, когда словоформа не имеет никакого другого падежного показателя; положение, однако, осложняется тем, что даже в тех случаях, когда падежный показатель присутствует, после него может следовать суффикс номинатива, если этот показатель оканчивается на согласный [Evans 1995a: 137]. Раунд предлагает описывать эти показатели, демонстрирующие нетривиальную алломорфию, как особые «терминальные элементы» (termination), обязательно присутствующие в любой словоформе. Важные аргументы в пользу такого описания приводятся в главе 3 (с. 61—64), где показано, что сегменты, которые можно анализировать как алломорфы терминального элемента, появляются и в глагольных формах императива и реалиса (их Раунд предлагает анализировать как не имеющие специализированных показателей и состоящие из основы, тематического и терминального элементов). Тем самым «номинатив» исключается из набора значений морфосинтаксического признака «падеж» в каядилте.

Значительную часть второй главы (с. 33—42) занимает обоснование морфемного представления. Необходимость этого промежуточного звена при соотношении морфосинтаксических признаков с морфемами мотивируется тем, что морфемы позволяют единообразно

описать целый ряд явлений, как то: одинаковые фонологические экспоненты и одинаковые правила выбора алломорфов, в том числе нерегулярных, у различных морфосинтаксических значений (так, мы уже видели выше в примерах (15) и (29), что сочетание показателей локатива *шос* и обликвуса *швл* реализуется с помощью портманто *-Currka* во всех случаях, какие бы значения они ни выражали), одинаковые морфотактические ограничения на выражение различных значений и т. п. Сравнивая свой подход с описанием Эванса, система многофункциональных падежей в грамматике которого фактически приближается к идее морфомы, Раунд показывает, что исключение из той же системы глагольных показателей по ряду формальных и семантических оснований [Evans 1995a: 255] не является убедительным, поскольку аргументы Эванса могут быть направлены и против унификации разнovidностей падежа. Таким образом, Раунд заключает, что «у морфомных категорий в каядилте нет единой синхронной семантической или морфосинтаксической основы»¹⁰ [Round 2013: 41].

Четвертая («Correlates of inflection», с. 65—86) и пятая («The clause and VP», с. 87—132) главы книги посвящены центральным аспектам описания грамматики каядилта — морфосинтаксическому и синтаксическому представлениям и отношениям между ними. Четвертая глава начинается с перечисления морфосинтаксических признаков и их значений. Э. Раунд выделяет в каядилте семь морфосинтаксических признаков [Round 2013: 66]: падеж (CASE), число (NUMBER), тематические вид / время / модальность / полярность (TAMT), атематические вид / время / модальность / полярность (ТАМА), отрицание (NEG), подчинение (COMP) и «разъединение» (sejunct, SEL). Перед тем как охарактеризовать каждый из этих признаков подробнее, хотелось бы указать на то, что они не вполне тождественны традиционному понятию грамматической категории (как оно определяется в таких работах, как, например, [Зализняк 1967: 26—27; Мельчук 1997: 247—250; Плунгян 2011: 26, 32—33]): ни один из выделенных Раундом для каядилта морфосинтаксических признаков не является обязательным (словоформы могут быть не охарактеризованы по какому-либо из них), а последние три признака из списка являются унарными, т. е. имеют лишь одно значение. Такая логическая структура системы морфосинтаксических признаков корректнее отражает устройство грамматики каядилта, чем гипотетическая система обязательных грамматических категорий. Так, признак «число» имеет два значения: «множественное» и «двойственное», — но не имеет значения «единственное», поскольку в тех (составляющих большинство) случаях, когда ни одно из положительных значений числа не представлено, словоформа является неохарактеризованной относительно количества обозначаемых ею референтов [Round 2013: 68].

Морфосинтаксический признак «падеж» содержит 24 значения, распадающиеся на два морфологических подтипа, соответствующие стандартным реляционным и «глагольным» падежам Н. Эванса, — атематические падежи и тематические падежи; показатели последних обязательно содержат тематический элемент, накладывающий ограничения на то, с какими другими аффиксами может сочетаться словоформа. Все значения падежа парадигматически противопоставлены друг другу и применяются к одному и тому же типу составляющих — именной группе (DP), о структуре и особенностях морфосинтаксиса которой пойдет речь в шестой и седьмой главах книги.

Морфосинтаксические признаки TAMT и ТАМА выражают различные значения, связанные с пропозицией, — аспект, абсолютную и относительную временную локализацию, различные виды модальности. Несмотря на семантическую гетерогенность входящих в эти признаки значений, они образуют единую и четко структурированную систему, последовательным образом выражающуюся в морфосинтаксисе языка. Важнейшей характеристикой системы ТАМ-значений в каядилте является сопряженность признаков TAMT и ТАМА: с одной стороны, некоторые значения этих признаков, например TAMT:hortative и ТАМА:emotive, должны выступать в клаузе одновременно; с другой стороны, эти два

¹⁰ «...there exists no coherent, synchronic semantic or morphosyntactic basis to morphomic categories in Kayardild».

признака находятся в отношении морфологического антагонизма: формально выражен может быть лишь один из них по следующему простому правилу [Round 2013: 74]: если предшествующая цепочка в морфемном представлении заканчивается тематическим элементом, то выражено должно быть значение признака ТАМТ, в противном случае реализуется признак ТАМА. Собственно, признак ТАМА соответствует модальным и ассоциирующим падежам у Эванса. Аналогичный антагонизм демонстрируют признаки «подчинение» и *sejunct*, являющиеся соответствиями двух типов подчинительного падежа у Эванса.

Центральный и наиболее нетривиальный аспект грамматики каядилта — последовательное согласование (*concord*) словоформ по всем морфосинтаксическим признакам, описываемое следующей закономерностью [Round 2013: 77], ср. аналогичное правило в грамматике Эванса в (4а) выше:

- (47) Морфосинтаксическое значение F:v, ассоциированное с синтаксическим узлом n, морфологически реализуется на всех способных выразить F:v словоформах, над которыми доминирует n¹¹.

Такое согласование является эмпирическим свидетельством того, что морфосинтаксические значения, приписываемые конкретному узлу синтаксической структуры, распространяются вниз (*recolate*) вплоть до терминальных узлов дерева (ср. аналогичное утверждение в статье [Evans 1995b: 410]). Действие этого механизма можно проиллюстрировать примером (48), который практически полностью повторяет пример (1d), но приведен в нотации Э. Раунда (с некоторыми упрощениями): первая строка примера — орфографическая запись, совпадающая с записью в грамматике Эванса; вторая строка — фонологическая запись с делением на морфемы; третья строка — морфемное представление; четвертая строка — морфосинтаксическое представление¹²:

- (48) *Ngada mungurru*, [_S *makuntha* [_{VP} *yalawujarrantha*
 ɲaʔ-ta muŋuru-a maku-iŋɬa-∅ jalawu-c+ɲara-iŋɬa-∅
 1SG-T знать-T женщина-μOBL-T поймать-I-μCONS-μOBL-T
 я знать женщина-SEJ поймать-PST-SEJ
yakurinaantha [_{DP} [_{DP} *thabujukarranguninaantha* [_{GEN}
 jakuŋi+ki-naa-iŋɬa-∅ ʔarucu-karaŋ-ɲuni+ki-naa-iŋɬa-∅
 рыба-⟨μLOC-μABL⟩-μOBL-T брат-μGEN-μINSTR-⟨μLOC-μABL⟩-μOBL-T
 рыба-⟨PRIOR⟩-SEJ брат-GEN-INSTR-⟨PRIOR⟩-SEJ
mijilŋuninaanth [_{INS} [_{PRIOR, PST}] +SEJ].
 micil-ɲuni+ki-naa-iŋɬa-∅
 сеть-μINSTR-⟨μLOC-μABL⟩-μOBL-T
 сеть-INSTR-⟨PRIOR⟩-SEJ
 ‘Я знаю, что женщина поймала рыбу сетью своего брата’ [Round 2013: 77].

В (48) зависимая клауза S'' характеризуется признаком +SEJ, реализующимся на всех ее составляющих морфемой μOBL; входящая в состав этой клаузы глагольная группа VP имеет сопряженные признаки ТАМТ:past и ТАМА:prior, каждый из которых выражается на тех словах, которые могут его выразить: ТАМТ:past выражается морфемой μCONS на содержащем тематический элемент сказуемом, а ТАМА:prior — комбинацией морфом ⟨μLOC-μABL⟩ на лишенных такового именных словоформах; наконец, признак падежа «инструменталис» выражается на обеих словоформах именной группы DP; тем самым наиболее глубоко вложенная словоформа ‘брата’ маркирована по двум значениям падежа (своим собственным генитивом и инструменталисом объемлющей ИГ), значению ТАМА:prior и значению +SEJ.

¹¹ «The morphological realization of a morphosyntactic feature value F:v, associated with a syntactic node n, on all words which (i) are dominated by a syntactic node n and (ii) are morphologically capable of inflecting for F:v.»

¹² В угловые скобки заключены последовательности морфом, выражающие одно морфосинтаксическое значение; граничные знаки «-» и «+» обозначают два разных типа морфонологической границы, противопоставление между которыми не важно для настоящего изложения.

Центральное теоретическое положение четвертой главы и всей книги Э. Раунда состоит в том, что грамматика каядилта содержит многоярусную иерархическую глубинную синтаксическую структуру, которая затемняется свободой поверхностного порядка слов, но проявляется в описанном выше механизме согласования по морфосинтаксическим признакам. Как уже было показано выше при разборе описания Н. Эванса, множества словоформ, реализующих тот или иной морфосинтаксический признак (домен этого признака, схематически $D(x)$), соотносятся подобно иерархически вложенным составляющим, сходным с фразовыми категориями вроде VP, S, DP и т. п., которые во многих других языках выделяются в первую очередь на основании порядка слов. Конкретно, домены морфосинтаксических признаков и их значений образуют следующую систему (знак \supset обозначает асимметричное вложение доменов) [Round 2013: 79]:

- (49) a. $D(+COMP) \supset D(+SEJ) \supset D(TAMA:x) \supset D(TAMA:y) \supset D(TAMA:z)$,
где x, y, z — непересекающие подмножества морфосинтаксических значений;
- b. $D(CASE, NUMBER) \supset D(NUMBER)$

Из (49) и (47) выше следует, что если домены морфосинтаксических значений F и G находятся в отношении асимметричного вложения $D(F) \supset D(G)$, то синтаксический узел n_F , которому приписано значение F , доминирует над синтаксическим узлом n_G , с которым ассоциировано значение G (ср. (4b) выше). Получающаяся в итоге полная глубинная синтаксическая структура каядилта, необходимая для корректного объяснения всех случаев распределения морфосинтаксического маркирования, представлена на рис. 2 [Ibid.: 81]; знак * (звезда Клини) обозначает позиции, в которых могут появляться составляющие-сестры; стрелками сверху от дерева обозначены морфосинтаксические признаки и узлы, в которых эти признаки присоединяются.

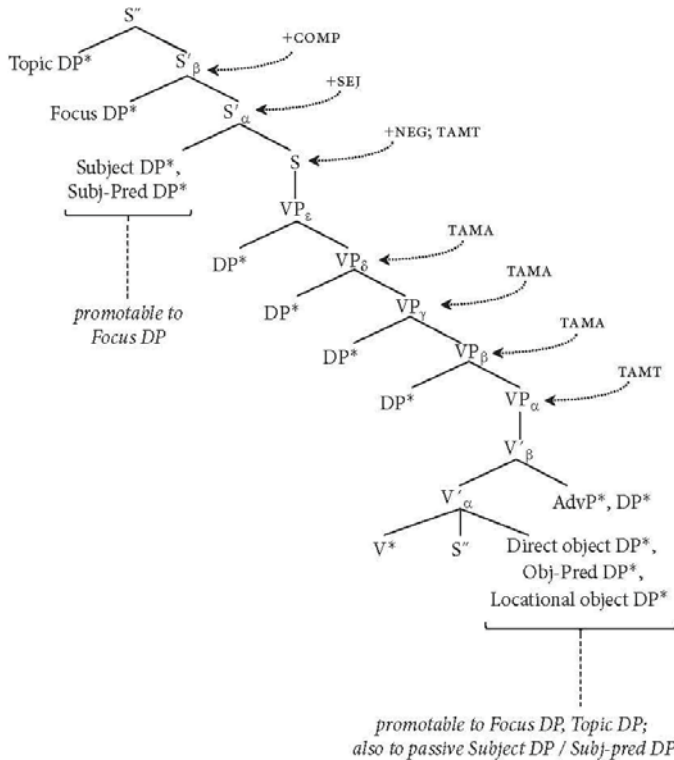

Рис. 2. Глубинная синтаксическая структура каядилта
© Oxford University Press

Как можно видеть, глубинная синтаксическая структура, постулируемая Э. Раундом для каядилта, имеет мало общего с абстрактными синтаксическими структурами последних вариантов порождающей грамматики. В отличие от строго бинарного ветвления, предопределяемого свойствами операции Merge в минимализме [Chomsky 2000: 101], предлагаемая Раундом структура свободно допускает сколь угодно много составляющих одного уровня, не предполагает перемещения вершин или групп вверх по дереву для «проверки признаков», а ее уровни задаются исключительно внутриязыковыми морфосинтаксическими фактами, которые эта структура, собственно, и призвана моделировать. Тем не менее соблазнительно усмотреть в разветвленной системе последовательно вложенных друг в друга глагольных групп, различающихся доступными для них морфосинтаксическими значениями, аналог «хребта» (spine) функциональных вершин Г. Чинкве [Cinque 1999; 2006], а в ассоциированных с топиком, фокусом и подлежащим проекциях уровня S — «развитую левую периферию» Л. Рицци [Rizzi 1997]. В этом контексте уместно упомянуть уже цитировавшиеся выше работы [Matushansky 2008; 2010], в которых функциональные синтаксические вершины приписывают ассоциированные с ними признаки всем элементам, над которыми они доминируют. Тем не менее фундаментальное различие между синтаксической структурой на рис. 2 и минималистскими построениями состоит в том, что последние, даже будучи мотивированы эмпирическими фактами, как «картография» Г. Чинкве и Л. Рицци [Cinque, Rizzi 2008], исходят из априорной идеи универсальности если не самого набора функциональных вершин, то по крайней мере связанных с ними абстрактных признаков, в то время как в основе структуры, предложенной Э. Раундом для каядилта, лежат исключительно соображения адекватного описания одного конкретного языка.

Пятая глава книги посвящена эмпирической мотивации описанной выше глубинной синтаксической структуры с опорой во многом на новые по сравнению с грамматикой Н. Эванса данные. Общая схема аргументации Э. Раунда выглядит так: если имеется синтаксический класс словоформ W , при которых обязательно выражается морфосинтаксическое значение F , но не выражается морфосинтаксическое значение G , значит, F и G ассоциированы с различными узлами синтаксической структуры, соответственно n_F и n_G , причем n_F доминирует над W и n_G , а n_G не доминирует ни над W , ни над n_F , ср. схему на рис. 3.

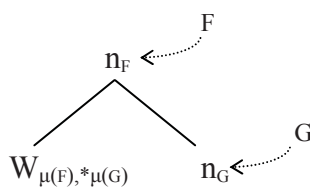

Рис. 3. От морфологического маркирования к синтаксическому вложению

Рассмотрим это на примере признаков $COMP$ и SEL , соответствующих подчинительному падежу Эванса. Эти признаки ассоциированы с зависимыми клаузами, а также с клаузами, содержащими топикализованные и фокализованные ИГ. Признаки $COMP$ и SEL , как уже было сказано, находятся в отношении антагонизма, т. е. при их одновременном наличии в морфосинтаксическом представлении выражен может быть лишь один из них. Правила приписывания этих признаков клаузам и их реализации суммированы в таблице 3 (ср. таблицу 2 выше) [Round 2013: 89—90].

Таблица 3

Морфосинтаксические признаки подчиненных клауз и их реализация

Тип клаузы	Условие употребления	Приписываемые признаки	Реализуемые признаки	Морфемная реализация
nonsejunct	подлежащее: 1) инклюзивное 1-е лицо; 2) 2-е лицо и говорящий ассоциирует себя со слушающим	[+COMP, SEJ:∅]	+COMP	μLOC
sejunct	иначе	[+COMP, +SEJ]	+SEJ	μOBL

Основным эмпирическим аргументом за необходимость постулировать два независимых признака (а не один с двумя значениями) являются топикализованные и фокализованные составляющие [Round 2013: 90—94]. Топикализованные ИГ индуцируют подчинительное маркирование соотносящихся с ними клауз, но сами находятся вне доменов обоих признаков COMP и SEJ, ср. пример (50), следовательно, их синтаксическая позиция располагается выше узла, которому эти признаки приписываются. Фокализованные же составляющие маркированы показателями признака COMP, в то время как «остаток» клаузы маркирован по признаку SEJ, ср. пример (51). Из этого следует, что позиция фокализованных групп располагается ниже узла, которому приписывается COMP, но выше узла, ассоциированного с SEJ, что в рамках предлагаемой модели может быть описано единственным образом: с помощью двух различных признаков, связанных с двумя иерархически упорядоченными позициями в глубинной синтаксической структуре.

- (50) *Ngjuwa bingkurnda wungjarranth!*
 ŋicu+pa-∅ piŋkuŋ-ta wuŋi-c-ŋara-iŋda-∅
 1SG-μSEJ-T вид.краба-T красть-1-μCONS-μOBL-T
 1SG-SEJ вид.краба красть-PST-SEJ
 ‘Мангровых крабов я крал!’ [Round 2013: 91]

- (51) *Dankiya kunawuna-ya barjijarranth!*
 taŋ+ki-a kuna+kuna+ki-a paŋci-c-ŋara-iŋda-∅
 этот-μLOC-T ребенок-ребенок-μLOC-T упасть-1-μCONS-μOBL-T
 этот-CMP ребенок-CMP упасть-PST-SEJ
 ‘Этот ребенок родился!’ [Ibid.: 93]

Аналогичным образом Раунд аргументирует и более низкие уровни глубинной синтаксической структуры, в частности систему узлов VP, необходимую для корректного описания реализации значений морфосинтаксического признака TAM. Отдельного внимания заслуживает противопоставление двух типов зависимых предикаций, примерно соответствующих финитным и нефинитным зависимым клаузам Эванса. Раунд предлагает различать зависимые предложения (S'') и зависимые максимальные глагольные группы (VP_ε). Если последние никогда не имеют выраженного подлежащего (их субъект всегда кореферентен субъекту либо объекту матричного предложения) и всегда наследуют морфосинтаксические признаки от вышестоящих узлов, то первые могут содержать свое собственное подлежащее и не наследуют никаких морфосинтаксических признаков, что приводит Раунда к выводу о том, что узел S'' (граница клаузы) является барьером для распространения морфосинтаксических признаков. Вложенные глагольные группы Раунд анализирует как содержащиеся внутри именных групп с невыраженной вершиной; аргументы в пользу такого анализа приводятся ниже.

Как уже было сказано выше, модальному и ассоциирующему падежам в описании Эванса Раунд ставит в соответствие различные значения признака TAM, организованные в иерархическую структуру на основании их дистрибуции относительно тех или иных типов

актантных и обстоятельственных ИГ [Round 2013: 113—118]. Ассоциирующему падежу Эванса соответствует значение TAMA:continuous, приписываемое в узле VP_δ, а модальному падежу — две группы значений, приписываемых в узлах VP_γ и VP_β, ср. рис. 4 [Ibid.: 114].

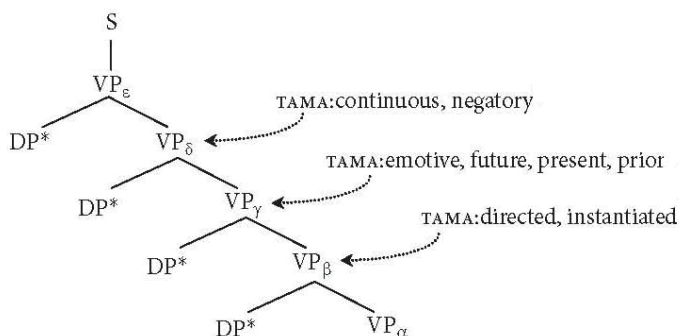

Рис. 4. Уровни глагольной группы и значения признака TAMA
© Oxford University Press

Мотивацией выделения указанных уровней структуры опять-таки является тот факт, что разные типы ИГ способны морфологически выражать разные подмножества значений признака TAMA. Распределение этих типов ИГ довольно сложно [Round 2013: 116—117] и не может обсуждаться здесь (см., в частности, замечания в § 2 о типах ИГ, не принимающих, согласно описанию Н. Эванса, модального падежа; корпус примеров, подтверждающих постулируемое распределение, полностью приводится в обширном приложении В, с. 260—277), однако важно привести аргументы Раунда [Ibid.: 117—118] против альтернативного анализа, который вместо последовательного вложения синтаксических доменов делит ИГ на классы, каждый из которых помечен синтаксическим признаком (diacritic), указывающим на доступные для данной ИГ значения TAMA. Важным следствием синтаксического анализа являются эмпирически подтверждаемые (собственно, лежащие в основе анализа) иерархические отношения между доменами разных значений TAMA: «если класс X сочетается с большим набором значений TAMA, чем класс Y, то он сочетается со всеми значениями, доступными классу Y, и некоторыми добавочными»¹³. Кроме того, в тех случаях, когда глагольная группа оказывается вложенной в матричную клаузу, входящие в ее состав ИГ морфологически выражают TAMA-значения вышестоящей клаузы даже в том случае, когда эти значения не могут быть выражены на ИГ в составе независимой клаузы. Этот случай демонстрируют примеры (52a) и (52b): в (52a) аблативный агенс пассивного глагола, присоединяющийся на уровне VP_δ, не маркирован по признаку TAMA:instantiated, выражаемому морфемой μLOC, поскольку этот признак приписывается в более низком узле VP_β; напротив, в (52b) словоформа пассивного агенса вложенной клаузы (VP) содержит соответствующий суффикс, поскольку матричное значение TAMA:instantiated присоединяется ко всей вложенной предикации (по предположению Раунда, через посредство невыраженного уровня DP). «Диакритический» подход может описать эти факты лишь с помощью специальных правил, фактически переводящих словоформы из одного дистрибутивного класса в другой в зависимости от синтаксической позиции, что ставит под сомнение значимость самого понятия дистрибутивного класса.

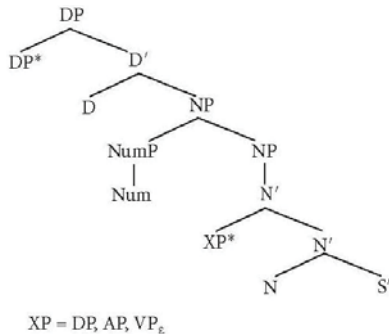
- (52) a. [Bijarrba rayiija dangkana_{INS,ACT}].
 picarra-∅ ɬa:i-c-a ɬaŋka+ki-naa-∅
 дюгонь-Т пронзить-⟨MID-⟩-Т человек-⟨LOC-ABL⟩-Т
 дюгонь пронзить-⟨MID⟩ человек-⟨ABL⟩
 ‘Дюгонь (был) убит мужчиной’ [Round 2013: 123].

¹³ «...if pattern X involves more TAMA values than pattern Y, then it will involve all the values of pattern Y, plus one or more additional value» [Ibid.: 117].

- b. [Biluwanjiya *barrkij*, [makuwalathinabay_{COMP,PROG}]
 pi-lu+paŋ+ki-a parki-c-a maku+paŋ+ki-nara+ki-a
 3-PL-μPOSS-μLOC-T резать-J-T женщина-μPL-⟨μLOC-μABL⟩-μLOC-T
 3-PL-INS резать женщина-PL-⟨ABL⟩-INS
kurdaya [wakiriŋki_{COMP,PROG}] _{INS,ACT}.
 kuŋa+ki-a wakiŋ-i-c-n+ki-a
 куламон-μLOC-T нести.подмышкой-⟨μMD-J⟩-μNML-μLOC-T
 куламон-INS нести.подмышкой-⟨MD⟩-PROG-INS
 ‘Они режут куламоны, чтобы они были унесены женщинами’ [Ibid.: 124].

Тем самым развитая глубинная синтаксическая иерархия, постулируемая для каядилта Раундом, вместе с общим механизмом согласования единообразно и корректно предсказывает распределение морфологических показателей морфосинтаксических значений в составе словоформ, занимающих различные синтаксические позиции, и делает излишними как противопоставление модального и ассоциирующего падежей, так и специальные правила, ограничивающие их выражение.

Главы шестая («The DP», с. 133—150) и седьмая («DP juxtaposition», с. 151—168) разрабатывают синтаксис именных составляющих в каядилте. Шестая глава посвящена структуре именных групп (DP) и выражению в них морфосинтаксических признаков числа и падежа. Предлагаемая Раундом структура DP представлена на рис. 5 [Round 2013: 133] и соответствует поверхностному расположению компонентов, которые, в отличие от составляющих клаузы, следуют в жестком порядке, хотя каждый из них, включая вершину N, может быть опущен.

XP = DP, AP, VP_E

Рис. 5. Структура именной группы
 © Oxford University Press

Аргументом за существование иерархической структуры именной группы в каядилте (а не, например, свободного соположения семантически связанных, но синтаксически независимых элементов, ср. описание языка дивали в работе [Austin 2001]) служит четкая корреляция между позицией словоформы в структуре и ее интерпретацией, ср. таблицу 4 [Round 2013: 135].

Таблица 4

Позиция и интерпретация элементов ИГ

Интерпретация	Детерминатор (D)	Квантификатор (Num)	Модификатор (AP)	Вершина (N)
‘его два старших брата’	<i>niwanda</i> 3SG.POSS	<i>kiyarngka</i> два		<i>thabuju</i> старший брат
‘два из его старших братьев’		<i>kiyarngka</i> два	<i>niwanda</i> 3SG.POSS	<i>thabuju</i> старший брат
‘мое тотемное животное’	<i>ngijinda</i> 1SG.POSS		<i>nida</i> имя	<i>wurand</i> животное
‘мое тотемное имя’	<i>ngijinda</i> 1SG.POSS		<i>wuranda</i> животное	<i>nid</i> имя

Если согласование по падежу затрагивает все без исключения элементы ИГ, что следует из приписывания падежа ИГ извне, то признак числа является «внутренним» для ИГ и может быть ассоциирован как со всей составляющей целиком, ср. пример (53a), так и с более низким узлом NP, ср. пример (53b):

- (53) a. [_{DP} *ngumbanbala* [_{NP} *karndiwala*]]
 ŋuŋ+paŋ+palaa kaŋji+palaa
 2SG-POSS-MPL.T жена-MPL.T
 2SG-POSS-PL жена-PL
 ‘твои жены’ [Round 2013: 143]
- b. [_{DP} *dathina* [_{NP} *ngambuwala*]]
 ɬaɬina ŋamru+palaa
 TOT.T колодец-MPL.T
 TOT колодец-PL
 ‘те колодцы’ [Ibid.]

В седьмой главе изучается явление соположения именных составляющих с совпадающими синтаксической ролью и морфосинтаксическими признаками, подобных представленным в примере (54):

- (54) [_{DP} *Muthaya wuranki* *bilda dalwanija* [_{DP} *barrngkay*].
 mʉa+ki-a wuɬan+ki-a pi-l-ta ɬalwani-c-a paŋka+ki-a
 много-μLOC-T пища-μLOC-T 3-PL-T выкапывать-J-T лилия-μLOC-T
 много-INS пища-INS 3-PL выкапывать лилия-INS
 ‘Они выкапывают много еды, корней лилий’ [Round 2013: 151].

Соположенные ИГ могут использоваться для перечисления нескольких референтов, выражения отношения часть — целое, а также для различной характеристики одного и того же референта, как в приведенном выше примере. Что касается их синтаксического поведения, то, с одной стороны, соположенные ИГ одновременно подвергаются синтаксическим трансформациям (топикализации, фокализации, пассивизации [Ibid.: 156]), но, с другой стороны, являются отдельными составляющими, что подтверждается независимостью выражения числа, ср. пример (55), и, более того, могут занимать разные позиции в синтаксической структуре, на что указывают примеры, где соположенные ИГ имеют различающиеся значения признака ТАМА, ср. (56):

- (55) *Kurrija* [_{DP} *dangkawalada* _{NUM,PL}] [_{DP} *wirrkanda* *dangkaa* _{NUM,Ø}]...!
 kuri-c-a ɬaŋka+paɬaɬ-ta wirka-c-n-ta ɬaŋka-a
 видеть-J-T человек-μPL-T танцевать-J-μNML-T человек-T
 видеть человек-PL танцевать-PROG человек
 ‘Посмотри на людей, на танцующих людей...!’ [Round 2013: 155]
- (56) *Ngada* *wirdija* *danda*, *nathay*.
 ŋaɬ-ta wiɬi-c-a ɬan-ta ŋaɬa+ki-a
 1SG-T быть-J-T здесь-T лагерь-μLOC-T
 1SG быть здесь лагерь-INS
 ‘Я остаюсь здесь, в лагере’ [Ibid.: 158].

Особо рассматриваются случаи, когда одна из соположенных ИГ не имеет вершины [Round 2013: 158—165]. Раунд показывает, что такие ИГ могут содержать самые разные типы зависимых составляющих: детерминаторы, квантификаторы, определения, зависимые полные ИГ в позициях спецификатора DP и адьюнкта к N' и, наконец, зависимые глагольные группы. Последний факт является важным независимым подтверждением высказанной выше гипотезы о том, что вложенные VP находятся внутри DP с невыраженной вершиной. При этом морфологическое выражение морфосинтаксических значений и, следовательно, механизм распространения этих значений по уровням синтаксической

структуры не чувствительны к наличию незаполненных фонологическим материалом узлов, что позволяет сопоставлять поведение поверхностно весьма различных случаев.

Девятая глава («Discussion», с. 177—201) посвящена обсуждению основных результатов исследования и, в частности, сопоставлению предложенного в книге анализа с описанием в грамматике Эванса. Напомню, что анализ Раунда основывается на трех понятиях [Round 2013: 177]: глубинная синтаксическая структура; отношение антагонизма между некоторыми морфосинтаксическими признаками, ограничивающее их реализацию; согласование по морфосинтаксическим признакам с помощью механизма распространения вниз по глубинной синтаксической структуре морфосинтаксических значений, приписываемых конкретным узлам. Согласно Раунду, такая система, во-первых, является достаточной и естественным образом описывает ряд явлений, которые в грамматике Эванса нуждаются в особых грамматических механизмах (так, согласование вторичных предикатов с семантически связанными с ними ИГ следует общим принципам и обусловлено тем, что они занимают одну и ту же позицию в глубинном синтаксисе, поэтому нет необходимости привлекать понятие «референциального падежа»). Во-вторых, Раунд считает свой анализ более экономным с точки зрения как системы морфосинтаксических признаков, так и условий их реализации. Постулируя находящиеся в отношении антагонизма морфосинтаксические признаки ТАМТ и ТАМА, реализующиеся по единым правилам с помощью последовательностей морфем, либо оканчивающихся на тематический элемент, либо лишенных его, Раунд устраняет выделяемые Эвансом противопоставления, с одной стороны, модального и ассоциирующего падежей и, с другой стороны, «простых» и «глагольных» реляционных падежей и, соответственно, необходимость учитывать «морфологический класс» основы при присоединении к ней дальнейших показателей. Здесь не место подробно излагать аргументацию Раунда, см. [Ibid.: 181—189], отмечу лишь, что она представляется мне вполне убедительной и эмпирически мотивированной. Разумеется, предлагаемое Раундом описание морфосинтаксиса каядилта может показаться излишне апеллирующим к абстрактным сущностям вроде глубинной синтаксической структуры и к специально введенным понятиям вроде антагонизма морфосинтаксических признаков, однако необходимо иметь в виду, что, во-первых, все постулированные Раундом единицы описания могут быть независимым образом мотивированы эмпирическими фактами языка и, во-вторых, использование при описании конкретного языка понятий, определенных лишь в рамках его собственной грамматики, является совершенно законным¹⁴.

Отдельно и довольно подробно [Round 2013: 189—199] Раунд обсуждает вопрос о возможных ограничениях на рекурсию в грамматике каядилта, возражая против высказанного в работе [Evans 1995b: 410] тезиса о том, что морфология каядилта накладывает ограничения на синтаксическую рекурсию¹⁵, и приходя, напротив, к нетривиальному заключению, что в этом языке синтаксическая рекурсия ограничена собственно синтаксическими закономерностями. Действительно, коль скоро последовательное вложение синтаксических составляющих находит непосредственное отражение в морфологии, результатом ничем не ограниченной рекурсии синтаксических структур потенциально должно становиться появление словоформ огромной длины. Приведа целый ряд естественных примеров морфологически чрезвычайно сложных словоформ, в том числе содержащих в своем составе показатели разных значений одного и того же морфосинтаксического признака, приписанных на разных уровнях синтаксической структуры, в которую встроены эти словоформы, Раунд переходит к обсуждению возможных ограничений на сложность синтаксических структур каядилта. Во-первых, как он показывает [Ibid.: 190—195], ни один морфосинтаксический признак не выражается в составе словоформы более двух раз, а признаки +SEL,

¹⁴ Ср. в этой связи недавний призыв М. Хаспельмата [Haspelmath 2010: 668] «описывать языки в их собственных терминах» («to describe languages in their own terms»).

¹⁵ Ср.: «...there are morphologically imposed limits to the syntactic possibilities of recursion: to be grammatical, a construction must allow a correspondence with the morphological structure» [Evans 1995b: 410].

+COMP и NEGATION могут быть выражены лишь однажды, поскольку все они связаны с самым верхним уровнем синтаксической структуры (S''), служащим барьером для распространения признаков. Во-вторых, Раунд замечает, что не отмеченные в имеющемся корпусе сверхсложные словоформы отсутствуют по той причине, что в нем не представлены и соответствующие таким словоформам синтаксические структуры¹⁶. В частности, из обсуждения в главе 5 [Ibid.: 107] следует, что в каядилте не представлено рекурсивное вложение глагольных групп, имеющих статус клаузы, каковой запрет не вытекает из гипотетических ограничений на морфологическую структуру. Аналогичным образом в каядилте не отмечено более чем двукратное вложение полных клауз уровня S'' , в том числе морфосинтаксически неподчиненных, рекурсивному «нанизыванию» которых, казалось бы, нет никаких морфологических препятствий [Ibid.: 198, fn. 15]. В-третьих, анализ Раунда предсказывает потенциальную допустимость не отмеченных в корпусе словоформ с морфологическим выражением пяти морфосинтаксических значений: двух значений падежа (собственного и объемлющей ИГ), двух значений ТАМ (вложенной VP и матричной клаузы) и одного из значений +COMP или +SEL. Тот факт, что такие сверхсложные словоформы не зафиксированы, по мнению Раунда, объясняется чрезвычайной редкостью в естественном дискурсе необходимых для них контекстов, а не какими-либо грамматическими ограничениями.

Тем самым грамматическая рекурсия в каядилте, согласно Раунду, ограничена не особенностями морфологической системы этого языка, а принципами устройства его синтаксиса. Этот вывод представляется весьма знаменательным, поскольку неограниченная синтаксическая рекурсия считается некоторыми теоретиками конституирующим признаком человеческого языка вообще, см. [Hauser et al. 2002], ср. также обсуждение в сборнике [van der Hulst (ed.) 2010]¹⁷.

Десятая глава («Particles», с. 202—214) посвящена особому классу единиц, которым свойственно отсутствие всякого словоизменения. В рамках этого класса Раунд противопоставляет «собственно частицы», анализируемые им как клитики (присоединяющиеся к левому или реже правому краю клауз или именных групп в поверхностной синтаксической структуре), и сходные с частицами имена, встраивающиеся в синтаксическую структуру и ограниченно допускающие словоизменение. Клитики отсутствуют в глубинной синтаксической структуре и, следовательно, находятся вне сферы действия механизмов приписывания и распространения морфосинтаксических признаков, чем объясняется как их неспособность принимать морфологические показатели, так и характерные для них позиционные ограничения.

В восьмой («Feature percolation», с. 169—176) и одиннадцатой («Constraint-based realizational morphology», с. 215—255) главах обсуждаются различные аспекты формализованного представления механизма распространения морфосинтаксических признаков и переходов между постулированными для грамматики каядилта уровнями репрезентации: морфосинтаксическим, морфомным и глубинно-фонологическим. В рамках настоящей работы эти, сами по себе безусловно интересные аспекты монографии Э. Раунда представляются второстепенными, и я не буду на них подробно останавливаться; отмечу лишь, что

¹⁶ Ср.: «It is not the case that after some point syntactic structures continue to increase in complexity while the morphology fails to keep pace; rather syntactic structures whose corresponding morphological structure would be 'too complex' also fail to occur» [Round 2013: 196].

¹⁷ В литературе периодически делались утверждения об отсутствии рекурсии в тех или иных языках; наибольшую известность приобрел в этой связи язык пирахан, см. [Everett 2005] и [Sakel, Stapert 2010]. Тем не менее подобные утверждения относительно как пирахана, так и других языков, ср. [Evans, Levinson 2009; Levinson 2013] последовательно отвергались в работах представителей генеративного направления, см. [Nevins et al. 2009; Legate et al. 2014], которые доказывали, что выводы об отсутствии рекурсии делались на основе некорректного анализа фактов. В свете этого в книге Э. Раунда содержится единственное на сегодняшний день утверждение об ограниченности синтаксической рекурсии в конкретном естественном языке, мотивированное эксплицитным формальным анализом обширного массива эмпирических данных.

содержание этих глав является необходимым компонентом эксплицитного (и потенциально допускающего, например, компьютерную реализацию) описания языка.

Обсуждение и заключение

Подводя итог изложению фактов грамматики языка каядилт и описанию двух подходов к его анализу, представленных в монографиях Н. Эванса и Э. Раунда, мне хотелось бы сделать несколько замечаний более общего свойства.

Во-первых, сколь бы необычными и «экзотическими» ни могли бы показаться неискушенному читателю факты каядилта и других австралийских языков с их множественным маркированием морфосинтаксических признаков (вне зависимости от того, трактовать ли все или лишь некоторые из них как падежные), мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что эти факты могут быть описаны и объяснены в рамках единой и логичной системы понятий, применимой и к более привычным языкам Евразии. Более того, как я упоминал в § 1, на эти явления можно взглянуть и под таким углом зрения, с которого они предстанут наиболее наглядной и прозрачной иллюстрацией глубинных грамматических механизмов, возможно, действующих универсально. Типология падежных функций, разработанная А. Денчем и Н. Эвансом, была продиктована материалом австралийских языков, однако каждой из выделенных ими падежных функций можно найти соответствия в других языках; дальнейшие исследования в этой области должны показать, в какой мере такого рода гипотетические параллели являются закономерными¹⁸, однако само направление теоретизирования о падеже, предложенное в статье [Dench, Evans 1988], кажется мне исключительно перспективным.

Во-вторых, я надеюсь, что разбор монографии Э. Раунда убедительно продемонстрировал, что даже столь исключительно сложная, идиосинкратическая и на первый взгляд запутанная грамматическая система, как та, что представлена в каядилте, при должных проницательности и тщательности исследователя может быть описана с помощью небольшого числа в сущности простых понятий и правил высокой степени обобщенности. В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что ни одно из используемых Э. Раундом понятий, за исключением тех, что непосредственно апеллируют к конкретным единицам каядилта, не является лингво-специфичным. В частности, постулированные для единообразного описания весьма тонких фактов каядилта отношения сопряженности и антагонизма морфосинтаксических признаков, вне всякого сомнения, необходимы для анализа самых разных языков, в том числе и русского¹⁹. Так, всякая финитная предикация в русском языке ассоциирована с морфосинтаксическими признаками лица, числа и рода подлежащего, которые, с одной стороны, сопряжены между собою, а с другой — частично антагонистичны, поскольку ни в какой глагольной словоформе признаки лица и рода не могут быть одновременно выражены морфологически.

В-третьих, анализ данных каядилта наглядно демонстрирует сложный (если угодно, диалектический) характер взаимоотношений морфологии и синтаксиса как в системе языка, так и в его описании. С одной стороны, значительная часть богатой морфологической системы каядилта существует для во многом избыточного и в большой степени иконичного поверхностного отображения его синтаксической структуры; недаром самыми многоморфными словоформами этого языка оказываются не сказуемые, а глубоко вложенные существительные, несущие показатели падежей и целого ряда приписанных им вышестоящими синтаксическими вершинами признаков. С другой стороны, несомненно и то, что морфология каядилта является а в т о м н о й в том сильном смысле, что целый ряд ее аспектов не может быть сведен ни к синтаксическим, ни к фонологическим закономерностям. Это касается как системоорганизующего принципа синхронно немотивированной полифункциональности

¹⁸ См. в этой связи статьи [Arkadiev 2013; Аркадьев 2014], в которых я подробно аргументирую применимость понятий подчинительного и ассоциирующего падежа к материалу балтийских языков.

¹⁹ Собственно, понятие сопряженности грамматических значений было впервые введено именно для русского языка в книге [Зализняк 1967: 26].

почти всех аффиксов языка, для моделирования которой неадекватно традиционное понятие морфемы, так и различных идиосинкратических правил взаимодействия аффиксов и выбора алломорфов. При этом совершенно очевидно — и книга Раунда доказывает это с большой убедительностью, — что сложная и богатая морфология каядилта не «узурпирует» функции синтаксиса, который играет в этом языке роль, возможно, еще более значительную, чем в языках, на материале которых были разработаны основные современные синтаксические модели: ведь поверхностная структура словоформы в каядилте определяется не только ее локальным синтаксическим контекстом, но и всей сложно организованной иерархической структурой содержащей эту словоформу клаузы.

Завершить настоящий обзор я хочу следующим общеметодологическим наблюдением. Задача формального описания фактов конкретного языка в большинстве современных работ решается путем приложения к определенным образом отобранному эмпирическому материалу априорных положений той или иной универсальной теории (например, реляционной грамматики в монографии [Davies 1986] о языке чокто, лексико-функциональной грамматики в диссертации [Simpson 1983] о языке вальбири или генеративной теории принципов и параметров в диссертации [Legate 2002] о том же языке), а результатом такой работы является в первую очередь демонстрация применимости избранной автором теоретической концепции к исследуемому им материалу и, возможно, дополнение теории новыми механизмами, необходимыми для адекватного описания данных.

Напротив, в практике создания описательных грамматик в последние десятилетия наметилась отчетливая тенденция избегать каких-либо априорных теоретических рамок, по крайней мере, эксплицитно связанных с конкретными формальными подходами. Ср. пассажи из введения к грамматике Н. Эванса (отчасти вопреки сказанному содержащей как элементы формального анализа, так и эксплицитные теоретические установки): «Грамматика, представленная в этой книге, сознательно избегает связанных с конкретными теориями постулатов и формализмов. Печальный опыт <...> убедил меня, что грамматики малоизвестных языков должны формулироваться как можно более простым языком <...>» [Evans 1995a: IX]²⁰. Будучи оправданной сама по себе тем очевидным соображением, что грамматика должна в первую очередь наиболее полно и непротиворечиво фиксировать факты языка и быть доступной для понимания приверженцев разных подходов, эта установка, тем не менее, содержит в себе ряд эпистемологических и методологических противоречий, связанных в первую очередь с тем, что само по себе выделение дискретных «фактов языка» и формулировка утверждений и тем более обобщений о них логически невозможны без того или иного по необходимости априорного представления о том, «как вообще устроены языки»²¹. В тех же случаях, когда такие «аксиомы» оказываются неэксплицированными (и, к сожалению, нередко неотрефлексированными), описание фактов практически неизбежно становится неточным, недостаточно общим и нередко противоречивым.

В свете этого мне хотелось бы подчеркнуть, что книга Э. Раунда является сравнительно редким примером исследования, сочетающего достоинства эмпирически-ориентированной описательной работы и эксплицитного формализованного описания языковых фактов и одновременно практически лишенного указанных выше недостатков как «чисто формального», так и «чисто описательного» подходов. По лапидарному высказыванию самого автора, цель книги — «тщательный формальный анализ обоснованных эмпирических обобщений»

²⁰ «The grammar contained in this book deliberately eschews theory-specific assumptions and formalisms. My many frustrating experiences <...> have convinced me that grammars of little-known languages should be presented in as straightforward language as possible <...>».

²¹ В этом смысле пропагандируемые некоторыми видными типологами «атеоретические» («framework-free») подходы к описанию и сопоставлению языков (см., например, [Dryer 2006; Haspelmath 2009; 2010]) на поверку являются не более чем альтернативными теоретическими концепциями, правда, настолько нерестриктивными и технически простыми, что многим лингвистам, возможно, комфортнее работать в их рамках, чем пользоваться методами, предъявляющими более высокие требования к метаязыку описания и формулировкам обобщений.

и «скорее попытка показать, каковы те явления каядилта, на которые должна давать ответ любая теория, чем развитие какой-либо конкретной теории» [Round 2013: xii]²². По моему мнению, Раунд вполне достиг указанной цели, вдобавок убедительно продемонстрировав, что формальный, т. е. исходящий из четко артикулированных предпосылок и строго определенных понятий и последовательно использующий эксплицитные процедуры анализ эмпирического материала позволяет получить более простое, эlegantное и обладающее определенной предсказательной силой описание сколь угодно сложных языковых фактов.

По моему убеждению, такого рода работы совершенно необходимы и было бы весьма желательно, чтобы их публиковалось все больше. При этом важной предпосылкой появления исследований, подобных книге Э. Раунда, является, с одной стороны, отсутствие предубеждений против формальных методов, к сожалению, свойственное многим лингвистам, в том числе занимающимся полевыми исследованиями «экзотических» языков, и, с другой стороны, свобода от «индоктринации» ученого постулатами и методологией какого-либо «единственно верного учения», будь то генеративизм или «атеоретический подход» некоторых типологов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1 — 1-е лицо; 2 — 2-е лицо; 3 — 3-е лицо; A — ассоциирующий падеж; AVL — аблатив; AVS — абсолютив; ACC — аккузатив; ACT — реалис («актуальная» модальность); ALL — аллатив; AOR — аорист; APPR — аппрехенсив; ASSOC — ассоциатив; C — подчинительный падеж; CAUS — каузатив; CMP, COMP — подчинительность; CONS — консекутив; DAT — датив; DES — дезидератив; DIREC — директив; DU — двойственное число; ERG — эргатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMMED — иммедиадив; IMP — императив; INC — инклюзив; INS — реалис («instantiated»); INSTR — инструменталис; J — тематический элемент; LOC — локатив; M — модальный падеж; MID — медиальный залог; NAR — «нарративный» падеж; NEG — отрицание; NML — номинализация; NOM — номинатив; NPST — не-прошедшее время; NUM — число; OBL — обликвус; PL — множественное число; POSS — посессив; POT — потенциалис; PRIOR — приоратив; PRIV — приватив; PROG — прогрессив; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PURP — целевая форма; PVB — преверб; REL — релятивизация; SVJ — подлежащее; SG — единственное число; SS — односубъектность; T — терминальный элемент; TOP — топик; V — глагольный падеж.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2014 — Аркадьев П. М. Неканоническое падежное маркирование субъекта литовских причастий: типология и диахрония // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2014. № 4. С. 21—46. [Arkad'ev P. M. Non-canonical case marking of the subject of Lithuanian participles: typology and diachrony. *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova*. 2014. No. 4. Pp. 21—46.]
- Беляев 2014а — Беляев О. И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, ОТиПЛ, 2014. [Belyaev O. I. *Korrelyativnaya konstruktsiya v osetinskom yazyke v tipologicheskom osveshchenii*. Kand. diss. [The correlative construction in Ossetic viewed typologically. Cand. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2014.]
- Беляев 2014б — Беляев О. И. Осетинский язык как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 31—65. [Belyaev O. I. Ossetic as a language with a two-case system: Suspended affixation and other paradoxes of case marking. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 6. Pp. 31—65.]
- Бурлак, Старостин 2005 — Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Academia, 2005. [Burlak S. A., Starostin S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoe jazykoznanie* [Comparative-historical linguistics]. Moscow: Academia, 2005.]
- Бэбби 1994 — Бэбби Л. Х. Нестандартные стратегии выбора падежа, задаваемого синтаксическим контекстом // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 43—74. [Babby L. H. Noncanonical configurational case assignment strategies. *Voprosy jazykoznanija*. 1994. No. 2. Pp. 43—74.]

²² «The aim is a sound formal analysis of valid empirical generalizations. <...> rather than developing a specific theory, I attempt to clarify exactly what it is about Kayardil that any theory must respond to».

- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 1—370. [Zaliznyak A. A. Russian nominal inflection. Zaliznyak A. A. «*Russkoe imennoe slovoizmenenie*» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 1—370.]
- Казенин 2002 — Казенин К. И. Современные формальные теории синтаксиса: сопоставление трактовок грамматической анафоры // Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. (ред.). Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: УРСС, 2002. С. 403—433. [Kazenin K. I. Present-day formal syntactic theories: comparison of interpretations of grammatical anaphora. *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya*. Kibrik A. A., Kobozeva I. M., Sekerina I. A. (eds). Moscow: URSS, 2002. Pp. 403—433.]
- Мельчук 1997 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I. Введение. Часть первая: Слово. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1997. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. I. Vvedenie. Chast' pervaya: Slovo* [A course in general morphology. Vol. I. Introduction. Part I: The word]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury; Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 1997.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011.]
- Anderson 1992 — Anderson S. R. *A-Morphous Morphology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Andrews 1996 — Andrews A. Semantic case-stacking and inside-out unification. *Australian Journal of Linguistics*. 1996. Vol. 16. No. 1. Pp. 1—55.
- Arkadiev 2013 — Arkadiev P. M. Marking of subjects and objects in Lithuanian non-finite clauses: A typological and diachronic perspective. *Linguistic Typology*. 2013. Vol. 17. No. 3. Pp. 397—437.
- Arkadiev 2014 — Arkadiev P. M. Case and word order in Lithuanian infinitival clauses revisited. *Grammatical Relations and their Non-Canonical Encoding in Baltic*. Holvoet A., Nau N. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2014. Pp. 43—95.
- Aronoff 1994 — Aronoff M. *Morphology by Itself. Stems and Inflectional Classes*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1994.
- Austin 1995 — Austin P. K. Double case marking in Kanyara and Mantharta languages, Western Australia. *Double Case. Agreement by Suffixaufnahme*. Plank F. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 363—379.
- Austin 1998 — Austin P. K. *Argument coding and clause linkage in Australian aboriginal languages*. Ms., 1998.
- Austin 2001 — Austin P. K. Word order in a free word order language: the case of Jiwari. *Forty Years on: Ken Hale and Australian Languages*. Simpson J., Nash D., Laughren M., Austin P., Alpher B. (eds). Canberra: Australian National University, 2001. Pp. 305—324.
- Austin, Bresnan 1996 — Austin P. K., Bresnan J. Non-configurationality in Australian aboriginal languages. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1996. Vol. 14. No. 2. Pp. 215—268.
- Blake 1977 — Blake B. J. *Case Marking in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1977.
- Blake 1994 — Blake B. J. *Case*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Börjars, Vincent 2000 — Börjars K., Vincent N. Multiple case and the 'wimpiness' of morphology. *Argument Realization*. Butt M., King T. H. (eds). Stanford, CA: CSLI Publications, 2000. Pp. 13—37.
- Bresnan 2001 — Bresnan J. *Lexical-Functional Syntax*. Oxford: Blackwell, 2001.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 2000. Pp. 89—115.
- Cinque 1999 — Cinque G. *Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Cinque 2006 — Cinque G. *Restructuring and functional heads*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Cinque, Rizzi 2008 — Cinque G., Rizzi L. The cartography of syntactic structures. *CISCL Working Papers*. 2008. Vol. 2. Pp. 42—58.
- Corbett 2006 — Corbett G. G. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

- Corbett 2012 — Corbett G. G. *Features*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Cruschina et al. (eds) 2013 — *The boundaries of pure morphology. Diachronic and synchronic perspectives*. Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Dalrymple 2001 — Dalrymple M. *Lexical-functional grammar*. New York: Academic press, 2001.
- Davies 1986 — Davies W. D. *Choctaw verb agreement and universal grammar*. Dordrecht: Reidel, 1986.
- Dench 2006 — Dench A. Case marking strategies in subordinate clauses in Pilbara languages — some diachronic speculations. *Australian journal of linguistics*. 2006. V. 26. No. 1. Pp. 81—105.
- Dench 2009 — Dench A. Case in an Australian language: Distribution of case and multiple case marking in Nyamal. *The Oxford handbook of case*. Spencer A., Malchukov A. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 756—769.
- Dench, Evans 1988 — Dench A., Evans N. Multiple case-marking in Australian languages. *Australian journal of linguistics*. 1988. Vol. 8. No. 1. Pp. 1—47.
- Dixon 1972 — Dixon R. M. W. *The Dyirbal language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Dixon 2004 — Dixon R. M. W. *Australian languages. Their nature and development*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Dryer 2006 — Dryer M. Functionalism and the theory-metalanguage confusion. *Phonology, morphology, and the empirical imperative: Papers in honour of Bruce Derwing*. Wiebe G., Libben G., Priestly T., Smyth R., Wang S. (eds). Taipei: The Crane Publishing Company, 2006. Pp. 27—59.
- Erschler 2009 — Erschler D. On case conflicts in Russian: An optimality-theoretic approach. *Studies in formal Slavic phonology, morphology, syntax, semantics and information structure. Proceedings of FDSL 7, Leipzig 2007*. Zybatow G., Junghanns U., Lenertova D., Biskup P. (eds). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. Pp. 119—131.
- Evans 1985 — Evans N. *A grammar of Kayardild: With historical-comparative notes on Tangkic*. Canberra: Australian National University, 1985.
- Evans 1995a — Evans N. *A grammar of Kayardild. With historical-comparative notes on Tangkic*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995.
- Evans 1995b — Evans N. Multiple case in Kayardild: Anti-ionic suffix ordering and the diachronic filter. *Double case. Agreement by Suffixaufnahme*. Plank F. (ed.). New York, Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 396—428.
- Evans 2003 — Evans N. Typologies of agreement: Some problems of Kayardild. *Special issue on agreement, transactions of the Philological Society*. 2003. Vol. 101. No. 2. Pp. 203—234.
- Evans 2007 — Evans N. Insubordination and its uses. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 366—431.
- Evans, Levinson 2009 — Evans N., Levinson S. C. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science. *Behavioral and brain sciences*. 2009. Vol. 32. Pp. 429—492.
- Evans, Nordlinger 2004 — Evans N., Nordlinger R. Extreme morphological shift: Verbal case in Kayardild. Handout for paper presented at LFG04 conference, Christchurch N. Z., July 2004.
- Everett 2005 — Everett D. L. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design feature of human language. *Current anthropology*. 2005. Vol. 46. No. 4. Pp. 621—646.
- Hale 1981 — Hale K. L. *The position of Walbiri in a typology of the base*. Bloomington, IN: Indiana University Linguistics Club, 1981.
- Hale 1982 — Hale K. L. Some essential features of Warlpiri verbal clauses. *Papers in Warlpiri grammar. In memory of Lothar Jagst*. Swartz S. (ed.). Darwin: SIL, 1982. Pp. 217—315.
- Hale 1983 — Hale K. L. Warlpiri and the grammar of non-configurational languages. *Natural language and linguistic theory*. 1983. Vol. 1. No. 1. Pp. 5—47.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. Framework-free grammatical theory. *The Oxford handbook of linguistic analysis*. Heine B., Narrog H. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 375—402.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies. *Language*. 2010. Vol. 86. No. 3. Pp. 663—687.
- Hauser et al. 2002 — Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? *Science*. 2002. Vol. 298. Pp. 1569—1579.
- Heath 1979 — Heath J. Is Dyirbal ergative? *Linguistics*. 1979. Vol. 17. No. 5/6. Pp. 401—463.
- Heath 1986 — Heath J. Syntactic and lexical aspects of nonconfigurationality in Nunggubuyu (Australia). *Natural language and linguistic theory*. 1986. Vol. 4. No. 3. Pp. 375—408.
- Jelinek 1984 — Jelinek E. Empty categories, case, and configurationality. *Natural language and linguistic theory*. 1984. Vol. 2. No. 1. Pp. 39—76.

- Kibort 2010 — Kibort A. Toward a typology of grammatical features. *Features. Perspectives on a key notion in linguistics*. Kibort A., Corbett G. G. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 64—106.
- Kibort 2011 — Kibort A. The feature of tense at the interface of morphology and semantics. *Morphology and its interfaces*. Galani A., Hicks G., Tsoulas G. (eds). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. Pp. 229—251.
- Legate 2002 — Legate J. A. *Warlpiri: Theoretical Implications*. PhD Diss. MIT, 2002.
- Legate et al. 2014 — Legate J. A., Pesetsky D., Yang Ch. Recursive misinterpretations: A reply to Levinson (2013). *Language*. 2014. Vol. 90. No. 2. Pp. 515—528.
- Levinson 2013 — Levinson S. C. Recursion in pragmatics. *Language*. Vol. 89. 2013. No. 1. Pp. 149—162.
- Maiden 2005 — Maiden M. Morphological autonomy and diachrony. *Yearbook of morphology 2004*. van Marle J., Boiji G. (eds). Dordrecht: Kluwer, 2005. Pp. 137—175.
- Maiden 2009 — Maiden M. From pure phonology to pure morphology: The reshaping of the Romance verb. *Recherches linguistiques de Vincennes*. 2009. Vol. 38. Pp. 45—82.
- Matthews 1972 — Matthews P. H. *Inflectional morphology: A Theoretical study based on aspects of Latin verb conjugation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Matushansky 2008 — Matushansky O. A case study of predication. *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from formal description of Slavic languages 6.5*. Marušić F., Žaucer R. (eds). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. Pp. 213—239.
- Matushansky 2010 — Matushansky O. Russian predicate case, encore. *Formal studies in Slavic linguistics, proceedings of FDSL 7.5*. Zybatow G., Dudchuk P., Minor S., Pshehotskaya E. (eds). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. Pp. 117—135.
- Matushansky 2012 — Matushansky O. On the internal structure of case in Finno-Ugric small clauses. *Finno-Ugric languages and linguistics*. 2012. Vol. 1. №. 1/2. Pp. 3—43.
- Merchant 2006 — Merchant J. Polyvalent case, geometric hierarchies, and split ergativity. *Proceedings of the 42nd Annual meeting of the Chicago linguistic society*. Vol. 2. Bunting J., Desai S., Peachey R., Straughn C., Tomkova Z. (eds). Chicago, Ill., 2006. Pp. 47—67.
- Nash 1980 — Nash D. G. *Topics in Warlpiri grammar*. PhD diss. MIT, 1980.
- Ne vins et al. 2009 — Ne vins I. A., Pesetsky D., Rodrigues C. Pirahã exceptionality: A reassessment. *Language*. 2009. Vol. 85. No. 2. Pp. 355—404.
- Nordlinger 1998 — Nordlinger R. *Constructive Case: Evidence from Australian languages*. Stanford: CSLI, 1998.
- Nordlinger 2014 — Nordlinger R. Constituency and grammatical relations in Australian languages. *The languages and linguistics of Australia: A comprehensive guide*. Koch H., Nordlinger R. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. Pp. 215—261.
- Nordlinger, Sadler 2006 — Nordlinger R., Sadler L. Case stacking in realizational morphology. *Linguistics*. 2006. Vol. 44. No. 3. Pp. 459—487.
- Pesetsky, Torrego 2004 — Pesetsky D., Torrego E. Tense, case and the nature of syntactic categories. *Syntax of time*. Guéron J., Lecarme J. (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 2004. Pp. 495—537.
- Plank (ed.) 1995 — *Double Case. Agreement by Suffixaufnahme*. Plank F. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Preminger 2011 — Preminger O. Agreement as a fallible operation. PhD diss. MIT, 2011.
- Richards 2013 — Richards N. Lardil «case stacking» and the timing of case assignment. *Syntax*. 2013. Vol. 61. No. 1. Pp. 42—76.
- Rizzi 1997 — Rizzi L. The fine structure of the left periphery. *Elements of grammar*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997. Pp. 281—337.
- Round 2009 — Round E. *Kayardild morphology, phonology and morphosyntax*. PhD diss. Yale University, 2009.
- Round 2013 — Round E. *Kayardild morphology and syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Sakel, Stapert 2010 — Sakel J., Stapert E. Pirahã — in need of recursive syntax? *Recursion and human language*. van der Hulst H. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 3—16.
- Simpson 1983 — Simpson J. H. *Aspects of Warlpiri morphology and syntax*. PhD Diss. MIT, 1983.
- Stump 2001 — Stump G. T. *Inflectional morphology. A theory of paradigm structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- van der Hulst (ed.) 2010 — *Recursion and human language*. van der Hulst H. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010.